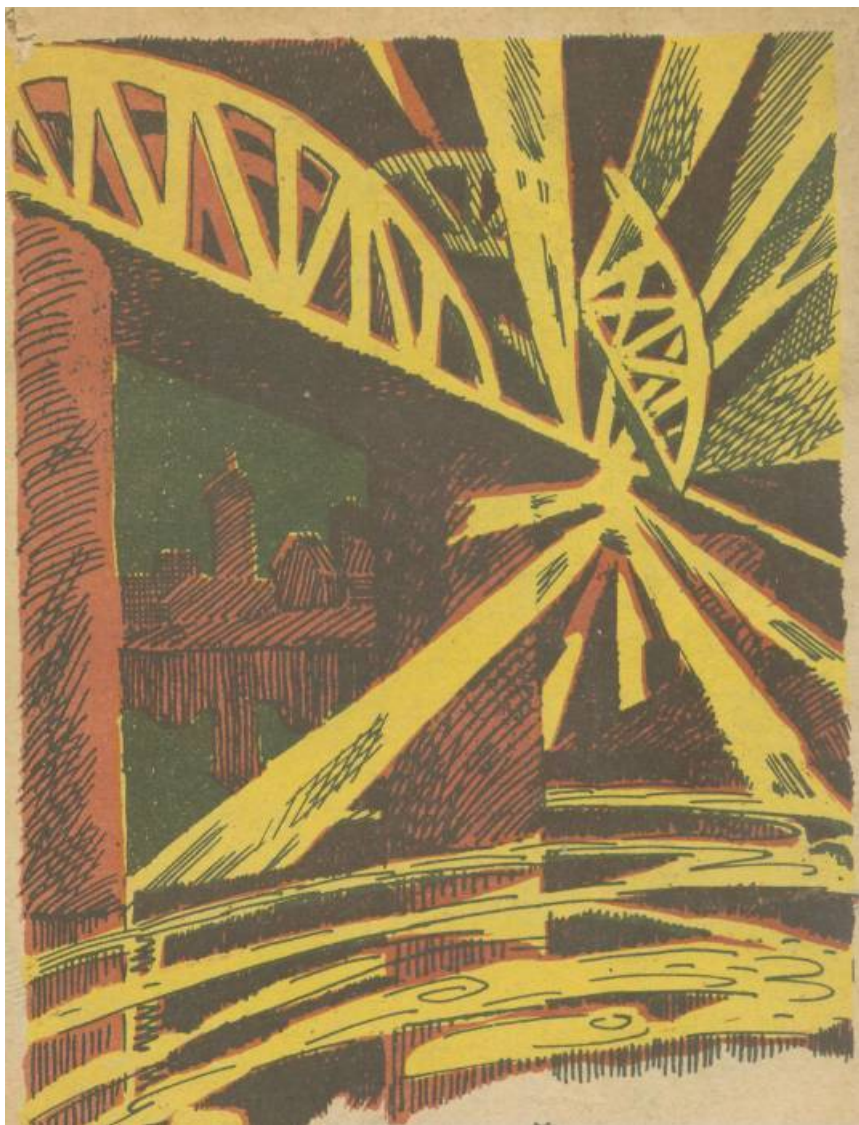

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

ЗИМОРОДОК

Библиотека Ладовед.

SCAN. Юрий Войкин 2011г.

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

ЗИМОРДОК

ПОВЕСТЬ

АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

Печатается по изданию:

*Ю. Яковлев. Зимородок. Воронеж,
Центрально-Черноземное издательство, 1971.*

Яковлев Ю. Я.
Я 47 Зимородок. Повесть. Барнаул, Алт. кн. изд.,
1975.
64 с. с илл.

Я 0762—033
М138(03)—75 51—75

Р2

Обложка, иллюстрации.

) Алтайское книжное издательство, 1975

Ветер раздувал купол парашюта, и натянутые стропы волокли бойца по мокрой траве. Он был похож на парусный корабль, который буря выкинула на берег. Попробовал встать. Сделал шаг — левая нога подломилась и стала проваливаться в землю. Он снова упал.

Ночь шла на убыль. Край неба позеленел, и звезды померкли, растворились в зеленом свечении востока. Но на западе небо было еще темным и звезды стояли на местах.

Он стал подтягивать купол парашюта. Стropы натянулись сильнее. Парашют упирался. Вздрагивал. Вырывался из рук. Они довольно долго боролись — человек и парашют, — пока бойцу удалось наконец подмять под себя шелковый купол. Он перевел дух и стал закидывать парашют валежником и камнями. Он ползал на коленях и собирал все, что попадалось под руки, чтобы замаскировать парашют.

На бойце был пиджак, застегнутый на три пуговицы. Брюки и ботинки — тоже гражданские. Еще при нем был мешок, перевязанный веревкой. Когда с парашютом все было покончено, боец снова попробовал встать. На этот раз осторожно, с опаской. Острая боль подкашивала ногу. Вероятно, где-то в ступне был вывих. Он прыгал на одной ноге, нашел палку. С палкой дело пошло лучше. Поднял с земли мешок и медленно двинулся вперед.

Вдалеке, между стволами деревьев, сталистой полоской поблескивала река. И виднелись фермы железнодорожного моста. В сплетениях металла была какая-то нереальная легкость. Но с каждым шагом мост приближался и становился все громаднее и тяжелее. И боль в ноге усиливалась, словно зависела от приближения моста.

Минут через пятнадцать он обессилел от боли и оī тяжелой ноши и упал в траву. От крупной росы пиджак его вымок. Одна пуговица оторвалась.

Так он долго шел и падал, шел и падал... И мост на-двигался на него с неотвратимой силой.

Спустя много лет после войны мальчишки со станции Река нашли в лесу странный полуистлевший предмет. Они долго перебирали его в руках, очищали от земли, тянули в разные стороны, пока наконец не дошли своим умом, что это парашют. Лямки и стропы сохранились хорошо, сам же купол местами истлел.

Ребята не знали, что делать с парашютом. Им никогда не доводилось играть с такой огромной вещью. Они принялись бегать по лужайке и тащить парашют за собой. Было безветренно, и купол не отрывался от земли, а волочился, приминая траву.

Ребята со станции Река долго ломали голову — к чему бы им приспособить старый парашют?

На уроке зоологии в классе завелась кукушка. Она перелетала с парты на парту и подавала голос:

— Ку-ку. Ку-ку.

Мало того, что кукушка меняла место, она меняла и голос. Ее голос звучал то густо, раскатисто, то пискляво, еле слышно. Может быть, в классе завелось несколько кукушек?

На самом деле кукушка была одна. Она никуда не летала и не куковала на разные лады, а неподвижно сидела на учительском столе — рябенькая, желтоглазая, с вытянутым хвостом. Она была чучелом.

Куковали птицы бескрылые, бесперые, с пальцами в чернильных пятнах, в куртках с потертыми локтями. Они играли с учителем в «кукушку». Они навязали ему эту игру, в которой победить могли только его выдержка и терпение.

— Ку-ку.

Учитель видел, как жиденькая челка девочки мелькнула и скрылась за спиной сидящего впереди. Он узнал ее голос — низкий, с едва заметной хрипотцой. Через мгновение девочка вынырнула и смотрела на

учителя как ни в чем не бывало. Ее глаза весело горели. Учитель поморщился и сказал:

— Зоя Загородько, встань!

Девочка нехотя поднялась и поправила челку:

— Я не куковала.

И весь класс загудел:

— Она не куковала.

Учитель сделал вид, что он не слышит ни дерзкой кукушки, ни гула, он продолжал рассказ:

— Напоминаю, что внутренние опахала первостепенных маховых перьев у кукушки одинаковые, без, белого или зубчатого рисунка. — Учитель рассказывал и ходил по рядам, заложив руки за спину, при этом голова его была слегка наклонена вперед. •— Крайние перья — с крупными белыми пятнами на вершинах...

В это время совсем рядом за спиной учителя прозвучало густое:

— Ду-ду!

Учитель прервал свой рассказ и, не поворачивая головы, сказал:

— Василь, ты неправильно кукуешь. Впрочем, существует кукушка, которая, как удад, издает звук «ду-ду». Она называется «глухая кукушка».

В классе раздался смех. Кто-то крикнул:

— Глухая кукушка!

Василь был сражен. Он заерзал на парте. Уши покраснели, а верхняя губа поднялась домиком. Мальчик почувствовал, что к нему прилипнет прозвище «глухая кукушка». А Сергей Иванович — так звали учителя — даже не обернулся, шел себе по проходу.

Он был невысокого роста. С массивной головой. Всклокоченные волосы, темные с частыми белыми нитями, с головы переходили на щеки и сливались с усами и бородой. В этой буйной растительности, закрывшей почти все лицо, поблескивали большие очки с задымленными стеклами. Голос у него был глухой, как бы доносившийся из глубины.

— Кстати, кроме глухой кукушки в мире существует около ста видов: кукушка-отшельник, кукушка-подорожник, испанская кукушка, желтоклювая, изумрудная, траурная...

В это время на третьей парте поднялась рука.

— Что ты, Марат? — спросил учитель.

Скрипнула парта. Мальчик встал. Насмешливые коричневые глаза в упор смотрели на учителя, а широкие скулы — на каждой по шепотке веснушек — ^{ста} ли от улыбки еще шире. На мальчике был военный ремень, широкий, с медной пряжкой, и брюки «техасы» с изображением ковбоя на заднем кармане. Говорят, эти брюки вечные. Смотря для кого! Две заплатки свидетельствовали, что и вечным приходит срок.

Борясь с улыбкой, Марат спросил:

— Сергей Иванович, какая птица начинается с «ка», и кончается на «ква»?

По классу прокатился смех. Кто-то на задней парте прокуковал.

Учитель пристально посмотрел на мальчика и сухо сказал:

— Во-первых, на уроке надо слушать, а не решать кроссворды. Для кроссвордов можно найти более подходящее место. А во-вторых, надо не куковать, а крикать. Эта птица — криква, утка криква.

Марат замолчал. Урок продолжался, а Василь все ерзал на месте — «глухая кукушка» не давала ему покоя, и он думал, кому бы спихнуть это прозвище. Рядом с ним сидела тихая девочка в больших очках. Василь покосился на свою соседку, поднял руку и спросил:

— Сергей Иванович, а бывает... слепая кукушка?

Учитель пристально посмотрел на Василя и спокойно сказал:

— Слепой кукушки не бывает. Бывает еще фазанья, воробыная, ящерная...

И тут учитель заметил, что Василь смотрит на свою соседку и его рот расплывается в недоброй улыбке, а на глазах у девочки блестят слезы, увеличенные стеклами очков.

Учитель нахмурился. Молча прошелся по классу, держа руки за спиной. Потом остановился около Василя и, то ли в шутку, то ли серьезно, оказал:

— Советую тебе, Василь, выучить все виды. Потренируешь память и реже будешь задавать глупые вопросы. Очень полезно! А теперь, люди-человеки, займемся повторением домашних птиц. Напомню вам, что впервые дикие куры были приучены в Индии. Надеюсь, что по этому случаю никто не будет кукарекать?

Если у вас неожиданно заведутся деньги и вам захочется пострелять, спросите любого мальчишку и он приведет вас к большому серому дому, где в подворотне разместился стрелковый тир. Подворотня узкая и длинная, как туннель. И выстрелы под ее сводами звучат не щелчками, а раскатисто и хлестко. Здесь, за железным прилавком, отполированным локтями, сидит огромная бабка и вяжет чулок. Гремят выстрелы, а она постукивает спицей о спицу, делает свое дело. Время от времени бабка откладывает вязанье, берет в огромные красные руки духовое ружье и разламывает его легко, как прутик. Заложит свинцовую пульку — стреляй!

Стреляй, если у тебя есть деньги. А если в кармане пусто, стой в сторонке и наблюдай, как стреляют другие. Только не приближайся к железному прилавку, который бабка называет «огневым рубежом». Бабка молчаливая, разговаривать не любит, а дает волю своим ручищам.

Марат, Василь и Зоя Загородько шли мимо тира. Марат предложил:

— Зайдем!

— Зайдем, — согласился Василь.

Зоя Загородько хотела сказать, что она боится выстрелов, но промолчала и пошла за ребятами.

В тире болталось несколько мальчишек, а стрелял один взрослый. Седой. Хотя лето только приближалось, этот взрослый был обожжен солнцем. Лоб, скулы, впалые щеки были покрыты грубым, замешанным на ветру загаром, делавшим его похожим на краснокожего индейца, а белые волосы еще больше оттеняли заггар. Стрелял он здорово. Без промаха. Мальчишки следили с открытыми ртами и после каждого удачного выстрела приговаривали:

— Во дает! Во дает!

Седой стрелял в мельницу, и сразу начинали вращаться крылья — значит, попал. Брал на мушку самолет — самолет, описав дугу, падал вниз. Закрывался шлагбаум. Гудел паровоз. Седой опустил ружье и стал высматривать, не осталось ли еще мишени. В углу рта у него была зажата папироса.

Ребята тоже искали мишень. И тут кто-то из мальчишек крикнул:

— Птица!

— Давай свою птицу, — сказал Седой и вскинул ружье.

Раздался выстрел — птица осталась сидеть на месте.

— Промазал! — радостно крикнули ребята.

— Мушку заваливаете, — с видом знатока сказал Марат.

— • Мушку? — Седой оглянулся на Марата и протянул ему ружье. — Держи! Пробуй, не заваливая мушку.

Отступить было невозможно. Марат взял ружье, уперся локтями в прилавок и стал старательно целиться. Он чувствовал, что за ним наблюдают все посетители тира и Седой, похожий на индейца, тоже не сводит с него глаз.

Хлопнул выстрел. Не улетела птица. Осталась сидеть на ветке. Марат молча опустил ружье.

— Мазила! — сказал кто-то.

Седой ничего не сказал. Он зарядил ружье и снова стал целиться. И — промахнулся.

— • Промазал! — радостно крикнули зрители.

— • Что это еще за птица? — недоумевал Седой, разглядывая небольшую остроклювую птицу.

— Зимородок, — сказал Марат, и его насмешливые коричневые глаза заблестели.

— Есть такая птица — зимородок, — пояснил Василь.

— Есть такая, — согласился Седой, не выпуская изо рта папиросу.

— Он долбит норку в крутом берегу. И бесстрашно ныряет за рыбой, — вмешалась в разговор Зоя Загорько. — Не верите?

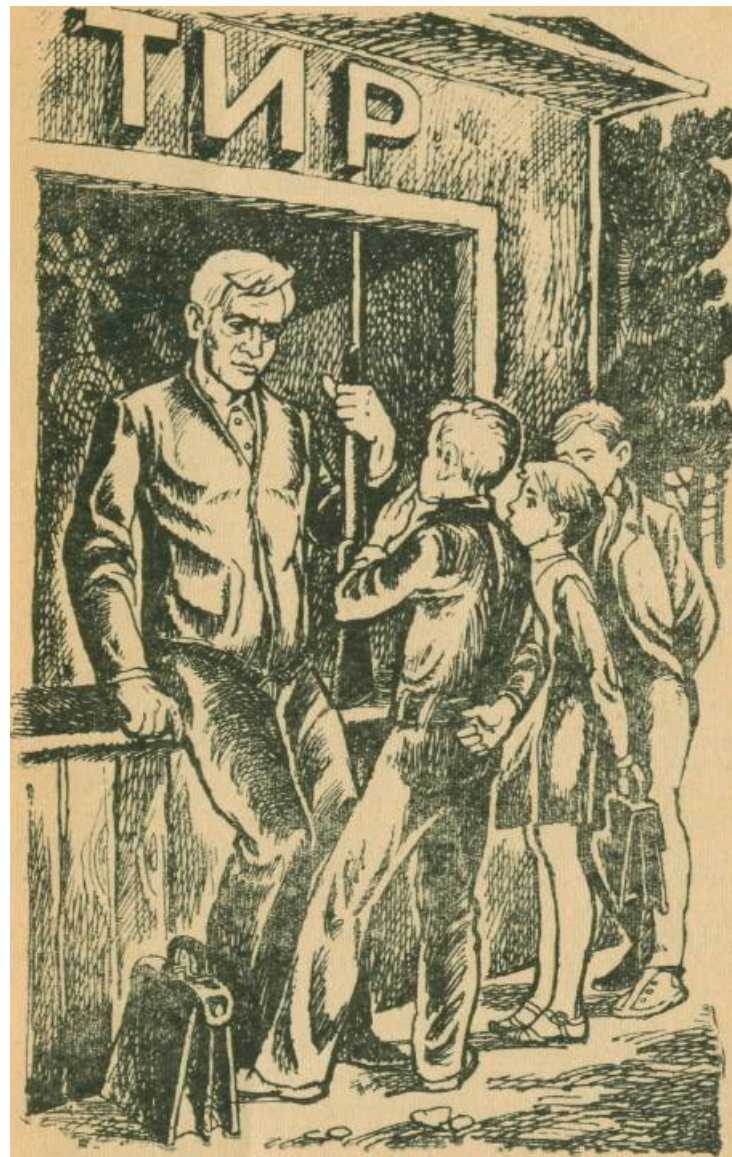
— Верю, — ответил Седой.

И ребята заметили, что он задумался. Все рассматривал птичку и о чем-то думал. Бабка тоже обратила внимание на это и, не отрывая глаз от вязанья, пробасила:

— Птица не работает.

И застучала спицами.

— Зи-мо-ро-док, — растягивая слоги, тихо сказал

Седой. Он не обратил внимания на слова старухи. Я знал одного Зимородка.

— С короткой шеей и прямым острым клювом.⁷ спросил Марат.

— Не помню, какой у него был клюв, — задумчиво произнес Седой. — И шею не помню. Но котелок у него варил довольно странно.

— У какого зимородка варил странно? — спросила Зоя Загородько.

— У того, что нырял за рыбой, — ответил Седой и стал раскуривать погасшую папиросу. Потом он усмехнулся и сказал: — До сих пор не понимаю, как я согласился. По молодости лет. Будь я тогда седым стреляным воробьем, не стал бы связываться с этим Зимородком...

Папироска разгорелась, и память Седого оживала и тоже как бы разгоралась. И постепенно не стало тира. И сам Седой стал не седым, а темным, подстриженным под полубокс, с коротенькой челкой наискосок. На нем появился синий замасленный комбинезон, стянутый ремнем. А за спиной на ремне — кобура с пистолетом. Летний кожаный шлем болтался на руке, как подстреленная птица. А папироска была зажата в уголке рта...

Вместо тира появилась небольшая полянка. По краям кустики. В кустах самолетик с задранным носом, пятнистый, почти незаметный на фоне травы и листьев. Крылья, как этажерка, — в два ряда, по два крыла с каждой стороны. Кукурузник.

Летчик — тогда еще не седой — стоял, окруженный партизанами, и говорил:

— Я мог бы забросить вашего человека в район Нового моста, но, как вы понимаете, садиться там негде — кругом немцы. А парашюта у меня нет.

И тогда кто-то из бойцов сказал:

— У нас где-то был парашют. С прошлого года...

— Его, наверное, на бинты разрезали.

— Нет, валяется под нарами. Я подметал — видел.

— Не годится этот парашют. С ним человек разбился насмерть. Прыгнул, а парашют не раскрылся.

— Может быть, неправильно сложили, — сказал летчик. — Девчонки ведь складывают, а что у них на уме, у девчонок? Потом парашюты не раскрываются.

— Может быть, девчонки, а может быть, и не дев-

чонки, — заметил командир. — А человек разбился; кто с таким парашютом прыгать будет?

И тут вперед вышел парень, худой, хрупкий, совсем молоденький. В штатском пиджачке да трех пуговках. Он вышел и говорит:

— Я... прыгну.

— Зимородок! Выдумал тоже, — зашумели партизаны. — Ты хоть парашют видел когда-нибудь? Ха-ха!

— Я прыгал... пять раз! — твердо сказал парень.

Командир вспыхнул.

— Нам смертники не нужны. Нам нужны живые бойцы. У нас нет такого инкубатора, который поставлял бы бойцов в нужном количестве.

— Я прыгну! — повторил Зимородок.

— Не разрешу!

— Так ведь выхода нет.

Командир задумался.

— Я дам тебе лошадь, — сказал он. — На лошади сидеть можешь?

Зимородок ничего не ответил.

Только через некоторое время он все же разыскал парашют и притащил его летчику. Отряхнул с шелкового купола хвою, землю и разложил на траве.

— Проверь, пожалуйста.

Летчик отбросил папироску и-сказал:

— Посмотреть я могу. И складывать я умею. Нас учили. Но если есть в парашюте неисправность, я не замечу. Не знаю тонкостей.

Он опустился на колени и стал укладывать парашют. Зимородок помогал ему, расправлял стропы, придерживал купол, который от легкого ветра поднимался и опадал, как живой.

— Ты только ничего не говори командиру, — попросил Зимородок. — На лошади я никуда не успею. А ты меня в два счета добросишь.

— Черт с тобой, — сказал летчик.

Перед самым вылетом, когда уже стемнело, Зимородок с помощью летчика стал надевать парашют. Летчик помогал ему подгонять лямки, а Зимородок старался все делать сам, но получалось у него все как-то неловко. На гражданском пиджачке ранец и лямки выглядели смешно, они как бы связывали парня по рукам и ногам.

Летчик помог Зимородку забраться в кабину. Подал ему мешок со взрывчаткой. И натянул на себя шлем. Загрохотал двигатель. Самолетик затрясло, залихорадило. Он сорвался с места и побежал по лужку. Потом сделал прыжок. И растворился в темноте леса и неба.

И тогда, уже в полете, Зимородок наклонился к летчику и потряс его за плечо.

— Послушай, что надо делать, чтобы парашют раскрылся?

— Ты же прыгал! — Летчик резко повернулся к своему пассажиру.

— Не прыгал я, — признался Зимородок.

— Что же ты голову морочишь? — закричал летчик. — Возвращаюсь!

— Не ори! Тише! Спокойствие! — Молодой партизан крепко сжал плечо летчика. — Договоримся тихо. Инструкцию помнишь?

— Помню, — опешил летчик.

— Говори по инструкции.

— Надо дернуть за кольцо. Это я без инструкции помню.

Зимородок очень спокойно сказал:

— Вот и все... Вот и ладно... — Потом он затих, долго копался и снова спросил: — Что-то я не найду кольца.

— На передней лямке... — из своей кабины закричал летчик. — Слушай, ну тебя к черту, я возвращаюсь.

— Не шуми. Я нашел кольцо. Я Дерну.

Летчик был в полной растерянности. Он не знал, что ему делать, и громко, чтобы перекрыть грохот двигателя, честил своего пассажира:

— Сдался ты на мою голову! Встречаются же такие зимородки!

— Встречаются же такие зимородки! — сказал Седой и вышел из тира.

Марат, Василь и Зоя Загородько немного еще потоптались у «огневого рубежа» и тоже вышли из тира. Седой шел сам по себе, а ребята сами по себе. Ничто их не связывало. Но какая-то непрочная ниточка продолжала тянуться от летчика к ребятам.

— Дурной какой-то Зимородок, — пробурчал Василь.

— Встречаются такие чудачки, — сказала Зоя Загородько.

Марат молчал, занятый своими мыслями. Но Зимородок будил в нем любопытство.

— Чудаков на свете много, — сказал он. — Но кто из-за своего чудачества станет рисковать жизнью? Ты рисковал жизнью? — вдруг спросил он Василя.

Тот замотал головой.

— А ты, Зоя Загородько?

— Я болела дифтеритом, и врачи говорили маме...

— Не то! — отрезал Марат. — Интересно, как этому Зимородку удалось прыгнуть?

— А он не прыгал, — с уверенностью сказал Василь. — Летчик привез его обратно. С таким хлопот не оберешься.

Но Марат пропустил слова друга мимо ушей.

— Как же он прыгнул?.. Подождите!

Марат неожиданно прибавил шаг. Среди прохожих он искал глазами Седого. Ребята потянулись за ним. Наконец на другой стороне показалась белая голова. Седой стоял на остановке, ждал автобуса.

Марат перебежал на другую сторону и подошел к бывшему летчику.

— Скажите, как он прыгнул... Зимородок...

Седой удивленно посмотрел на мальчика.

— Зимородок-то? — Он усмехнулся. — Я сам толком не знаю. Мы попали под заградительный огонь. Вероятно, в этом месте наши бомбардировщики шли через фронт. Я лег на левое крыло, чтобы сделать вираж и вернуться. Зимородок вцепился мне в плечо: «Ты куда?» Я ему крикнул: «Отвяжись!» Тут снаряд разорвался совсем близко. Машину швырнуло в сторону. Наконец мне удалось прижаться к лесу. Когда все стихло, я оглянулся. Сзади никого не было. Улетел Зимородок.

— Как улетел? — спросил Марат.

— Не знаю... Может быть, когда я ему крикнул «Отвяжись!», он отвязался от сиденья. И выпрыгнул. А может быть, вывалился на крутом вираже. Мне было не до него.

— Ну да... не до него... — задумчиво повторил Марат. В это время подошел автобус и увез Седого.

И когда автобус отъехал от остановки, Маратом

овладело какое-то странное щемящее чувство, словно на этом пыльном городском автобусе уехал не случайный знакомый, Седой, а отчаянный парнишка по прозвищу Зимородок.

— Улетел Зимородок, — одними губами произнес Марат.

— Да ладно тебе, — подоспевший Василь ткнул его в бок.

А Зоя Загородько потянула Марата за рукав.

— Но как он приземлился? — Марат сорвался с места и побежал за автобусом.

Главное было узнать, как он приземлился! Но автобус был уже далеко. Марат остановился. Ребята догнали его.

— Надо будет разыскать Седого. Как это я упустил его? Может быть, твой отец знает его? — спросил он у Зои Загородько. — Летчики все знают друг друга.

— Я спрошу, — пообещала Зоя.

И все трое пошли своей дорогой.

Уехал Седой. Улетел Зимородок. Течение времени подхватило трех одноклассников и понесло их дальше. И ничего в их жизни не изменилось. Но маленькое незаметное зернышко, оброненное бывшим летчиком, неожиданно проросло в сердце Марата. Зимородок как бы встал за его плечами, в пиджачке, помятом лямками парашюта, и глуховатым голосом спросил:

«Послушай, что надо сделать, чтобы парашют сработал?.. Я ни разу не прыгал... Куда запропастилось это кольцо?..»

Было в Зимородке что-то неокрепшее и даже беспомощное, и вместе с тем его поступками двигала отчаянная отвага. Ему было труднее, чем закаленным опытным бойцам, но он надел парашют, снятый с мертвого солдата. Он просто делал свое военное дело, не задумываясь о том, что это может стоить ему жизни. А может быть, он, неумеха, просто не научился дорожить жизнью?

Сам того не замечая, Марат привязался к Зимородку, и между ними завязалась таинственная, никому неведомая дружба. Теперь Марат все чаще искал ответа на вопрос: раскрылся парашют или был действительно

неисправным? Был ли взорван мост? Жив Зимородок или погиб? На эти вопросы мог ответить только Седой.

Марат отправился в тир в надежде встретить летчика.

В тире шла своя, раз и навсегда заведенная жизнь. Утром здесь редко звучали выстрелы. Днем поднималась беспорядочная стрельба — днем тир принадлежал ребятам. Сколько несъеденных завтраков обращалось здесь в маленькие свинцовые пульки, которые чаще летели «за молоко» и значительно реже со звоном ударялись в металлические кружочки, опуская шламбаум и заставляя вертеться мельницу.

Вечером в тир приходили взрослые. Среди них было немало людей, которые в свое время держали в руках куда более грозное оружие и стреляли не по мишеням, а по врагу. Бывшие фронтовики заходили в тир проверить глаз и руку.

Марат перешагнул порог и подошел к «огневому рубежу». Бабка сидела неподвижно, как неживая, и только в ее толстых, красных пальцах электрическими искорками вспыхивали кончики проворных спиц.

— Здравствуйте!

Бабка не ответила на приветствие.

— К вам не заходил такой... Седой?

— Разные ходят. И седые и лысые. Стрелять не будешь? Тогда проходи, проходи...

— Мне он очень нужен.

Ничего не трогало бабку. Она окаменела. Ушла в свою работу.

— Мне надо узнать про Зимородка!

— Птица не работает. Птица на ремонте, — буркнула бабка.

Ничего она не поняла. Ничего не чувствовала. Стекланная, деревянная, оловянная, каменная!

Зимородок уходил от мальчика. Он растворялся во мгле далекой безвестности. Но чем больше он отдалялся, тем сильнее тянуло к нему Марата.

Неужели парашют не раскрылся?

Для того чтобы узнать о парашюте, надо узнать о Новом мосте. Потому что, если мост был взорван, значит, парашют раскрылся.

В тире гремели выстрелы.

Друзья давно забыли о седом летчике и его расска-

зе. Они как бы оставили Марата и Зимородка одних в тревожной безвестности. Марат решил пойти в музей. Это был слишком простой путь, но другого пока не было. По крайней мере, про мост там должны были знать.

В музее маленький чернявый человек в золотых очках спросил Марата:

— Тебя интересует Новый мост? Новый мост на станции Река?

— Его должны были взорвать.

— Тебе это известно? — Чернявый человек наклонил голову набок.

— Был приказ: взорвать Новый мост. И был человек.

— Это надо еще доказать, — маленький человек сверкнул очками. — Подожди.

Он ушел куда-то, оставив мальчика в зале, уставленном старым оружием и другими предметами, которые в свое время были обыкновенными вещами, а теперь стали музейной редкостью. Марат рассматривал их, и ему казалось, что он чувствует тепло рук, которые касались оружия. Тепло не исчезло, хотя сами владельцы пистолетов и автоматов давно спят в холодной земле. Тепло было продолжением их жизни, их подвига. Может быть, под музейным стеклом хранится и смятый пиджачок гражданского покроя...

Мальчик не заметил, как в зале снова появился чернявый.

— Новый мост был действительно взорван. Произошло это 23 августа 1943 года. Взрыв моста заморозил несколько фашистских эшелонов с горючим и боеприпасами. И обеспечил успешные действия нашей армии... А кто взорвал мост, не установлено.

— Мост взорвал Зимородок, — твердо сказал мальчик.

— Мы не располагаем такими данными. Возможно, действовала наша авиация...

— Авиация действовала, — сказал Марат. — Кукурузник. Но взорвал мост Зимородок...

— Зимородок! Странная фамилия... Но это надо еще доказать!

Это надо еще доказать! А пока это не доказано, не существует ни Зимородка, ни его подвига, и то, что он полетел с парашютом, который мог не раскрыться, рав-

ным счетом ничего не значит. И то, что мост был взорван, — тоже не в счет?

Глаза Марата, насмешливые, коричневые глаза, сердито заблестели, и он спросил:

— Если имя не доказано, значит, подвиг совершен никем?

— Почему никем? — Человек в золотых очках сохранял спокойствие. — Неизвестным солдатом.

— Когда солдаты уходили на войну, у них были имена и фамилии. Почему же, когда они погибали за Родину, то становились неизвестными? Это несправедливо! Мост был взорван! Его взорвал Зимородок.

Чернявый человек пожал плечами и, стуча каблуками, зашагал по залу, а мальчик стоял среди старых орудий и автоматов, и на него со стен смотрели портреты героев.

Но мост взорван — значит, парашют раскрылся и жизнь Зимородка продлена на час, а может быть, на день. И теперь все в твоих руках: продлить его жизнь дальше или оборвать, потому что «это еще надо доказать».

— Главное, что парашют раскрылся, — сам себе сказал мальчик и медленно пошел к двери.

Друзья стояли на мосту вдвоем и, облокотясь на теплые от солнца деревянные перила, смотрели в воду. Вода двигалась. Ее струи, оmyвая опоры, завихрялись, образовывали водовороты.

Василь следил за игрой рыбы. Зоя Загородько щурила глаза, стараясь задержать ресницами солнечный зайчик, который отрывался от воды и ударял в глаза. Марат видел тяжелые железные фермы, скрученные взрывом и выступающие из воды, как остов погибшего чудовища. Зимородок не знал, как раскрыть парашют, но он умел обращаться с толом. С тех пор много утекло воды — этой пахнувшей глубинным холодом и травой. Воды и времени.

А что такое время? Станции! Мимо одних поезд уже промчался, до других — еще не доехал. Но как быть, если тебе до зарезу нужно вернуться на станцию, давно оставшуюся позади?

— Ты бы могла прыгнуть с моста в реку? — неожиданно спросил Василь Зою Загородько.

Девочка ответила не сразу.

— Я бы прыгнула, если бы надо было спасти маму.

— Привираешь, — сказал Василь. — Зачем прыгать с моста, когда можно побежать и нырнуть с берега.

— Зимородок не стал бы рассуждать, — сказал Марат.

Василь тихо засмеялся.

— Потеха этот Зимородок. Седой выдумал его.

— Седой не врет, — твердо сказал Марат. — Кто стреляет без промаха, тот не врет. Кто врет — тот мажет. Мажет и врет.

— Я никогда не вру, а стрелять не умею, — призналась Зоя Загородько, поправляя жиденькую челку на смуглом лбу.

Но Марат не слушал ее, он смотрел на движущуюся воду. Рядом с ним стоял Зимородок. Он стоял, облокотясь на перила, и смотрел в воду. И от его присутствия в мальчишке пробудилась какая-то незнакомая сила. Ему начинало казаться, что он стоит на том самом Новом мосту, который будет взорван. Но это надо еще доказать, а для этого надо прыгнуть. Надо прыгнуть, как это ни страшно. Зимородку тоже было страшно, и он не знал, как действовать с парашютом. Как прыгать: «ласточкой» или «солдатиком»?

Василь следил за игрой рыбы. Зоя Загородько играла с солнечным зайчиком. Они не заметили, как Марат скинул брюки с ковбоем на заднем кармане и свернул улиткой широкий кожаный ремень. Только когда он оторвался от края моста и полетел навстречу бегущей волне, они увидели...

Марат стоял в воде и тяжело дышал. Вода текла по его широким скулам, по шее, по плечам. Одной рукой он придерживал другую. Он был бледен. Веснушки исчезли с широких скул. Коричневые глаза смотрели куда-то вдаль: они улыбались его мыслям.

— Ты жив? — спросила Зоя Загородько, хотя своими глазами видела, что жив: от волнения она не верила своим глазам.

— Надо было «солдатиком», — запоздало посоветовал Василь.

— Молчи! — оборвала его Зоя Загородько. — Молчи. Все это глупости. Что у тебя с рукой?

— Не знаю, — ответил Марат, вытирая плечом воду, которая с волос текла в рот.

Он смотрел на друзей, но был озабочен своими мыслями. Голова его гудела. И он еще испытывал на себе холодящее ошеломление, которое началось с того мгновения, когда он оторвался от моста. Его слегка понаблывало. Одна рука была тяжелее другой.

— Я теперь поняла, — тихо сказала Зоя Загородько. — Я бы не смогла. И ты бы не смог — «глухая кукушка».

Она с вызовом посмотрела на Василя.

Марат вышел из воды и стал одеваться. Он вдруг заторопился. Никак не мог попасть в штанину и смешно танцевал на одной ноге. От мокрой спины на рубашке выступили пятна. Отбитая рука не слушалась. И военный ремень он затянул одной рукой.

— Я поеду на станцию Река, — вдруг сказал он.

Ребята пожали плечами. Что за станция Река, для чего станция Река?

— Да, я работала на переезде, когда он взорвал мост. Он появился к утру. Сперва я услышала слабый свист. Как будто под окном пела иволга. Я выглянула. Он стоял под окном. За спиной — мешок.

Марат сидел на краешке табуретки и не сводил глаз с худой старухи. Лицо у нее было желтоватое, цвета подсолнечного масла, редкие волосы причесаны на пробор. Платок с выцветшими цветочками сполз с головы на спину и держался на шее, как пионерский галстук.

В маленькой комнате стояли кровать, стол, бадейка с водой. В углу — покрытый вышитой скатертью телевизор. Полы чистые, некрашенные, с полосатыми домоткаными половиками. За окном — железнодорожные пути.

— Он смотрел в окно. Я не знала, кто он и что ему надо. Не хотела отпирать. Но я баба, а он мужик. А мужики все ходили с оружием. Никакие запоры не помогали. Я спросила: «Чего тебе?» Он ответил: «Отопри». Я отперла.

Зимородок стоял в дверях в смятом пиджаке, перекошенном от мешка, который оттягивал плечо — был очень тяжел.

— Здравствуй, хозяйка, — сказал он тихо и опустил мешок на пол.

Его лица почти не было видно. Сторожка освещалась только слабой полоской занимающейся зари. Лица хозяйки тоже не было видно. Она забилась в темный угол.

— Здравствуй, хозяйка, — повторил он.

— Что тебе надо? — послышалось из темного угла. — Нет у меня ничего. Все, что было, забрали. Хочешь бульбы?

— У меня бульбы целый мешок, — сказал он. — Я в дороге подвернул ногу. Нет ли у тебя тряпицы поплотней?

Хозяйка сторожки несколько осмелела. Вышла из своего темного угла. Зеленая заря осветила краешек ее лица и светлую дорожку пробора. То, что незнакомец ничего не требовал, а просил перевязать ногу, успокоило ее. Она нашла тряпицу и почти скомандовала:

— Разувайся!

Он снял полуботинок. Штатский. Со сбитым каблучком. Нога у него была чистой и не пахла прелой портянкой. Она положила под его ступню руку: ступня оказалась холодной, но на подъеме нога вспухла и горела.

— Больно?

— Ты бинтуй. Не церемонься.

Она стала осторожно накладывать виток за витком, а он морщился от боли и говорил:

— Крепче! Крепче! Мне ходить надо!

— Где это ты так ногу подвернул? — спросила она.

— Споткнулся на ровном месте, — ответил он и просвистел иволгой.

— Что ты за птица? — вздохнула хозяйка сторожки и посмотрела ему в лицо.

— Зимородок... Меня мама родила зимой в санях. С тех пор меня зовут Зимородком. Я мешок поставлю в угол?

Этот вопрос означал совершенно другое: «Я у вас останусь?»

— Ставь, — сдержанно ответила хозяйка, и ее ответ означал: «Оставайся».

Во время войны все незнакомые люди говорили недомолвками.

Вдалеке слышался гудок паровоза. Хозяйка быстро подхватила большой фонарь с красным и зеленым стеклами и вышла на улицу. Мимо сторожки с грохотом мчался эшелон. Колеса пели и отбивали на стыках чечетку. А на платформах под темными чехлами угадывались очертания танков, похожие на застывших слонов с вытянутыми хоботами. Ей казалось, что зеленый огонек притягивает эту гремящую очередь вагонов.

Когда она вернулась в сторожку, незнакомец спал, подняв воротник пиджака.

Она поставила фонарь на пол и села на стул. И так сидела долго, прислушиваясь к его ровному дыханию. Потом какое-то смутное чувство заставило ее подняться, и, стараясь не наступать на скрипучие половицы, она подошла к мешку. Вся разгадка незнакомца была в этом мешке. Она опустила на колени, развязала узел мешка. Внутри действительно была бульба. Хозяйка осторожно запустила руку поглубже и нащупала что-то холодное и твердое, похожее на уголь. Она вынула из мешка незнакомый предмет. Это был брикет тола.

Женщина, не дыша, оглянулась на спящего. Он сидел на кровати и следил за ней.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом он сказал:

— Что теперь будем делать?

И засвистел иволгой.

— Он засвистел иволгой, и мне стало не так страшно. Но я поняла, что ввязалась в историю, за которую могут повесить. Он сказал, что ему надо забросить этот мешок на мост. Спросил, медленно ли идут поезда по мосту. Я сказала — медленно.

В это время зазвонил звонок. И хозяйка сторожки подхватила футляр с флажками, похожий на двустолку, и вышла за дверь, прервав рассказ. Марат пошел за ней.

С той стороны реки, вытянувшись в алую полосу, шел тяжелый состав. Он приближался к мосту. Мост был легким и четким, словно нарисованный черным карандашом на голубой бумаге. Но когда состав побежал по мосту, мост запел. Теперь он был похож на поющую стальную арфу.

— Красивый мост! — сказал Марат.

— Мост как мост, — отозвалась хозяйка сторожки.

На посту она как-то изменилась — вытянулась, приосанилась. Ее рука с желтым флажком застыла на весу. Но Марат заметил, что рука слегка дрожит.

Поезд пронесся мимо переезда, обдав пылью и грохотом мальчика и хозяйку сторожки.

Когда поезд прошел и мост затих, мальчик спросил:

— Что было дальше?

— Весь день он просидел в картофельной яме. Идем, я тебе покажу эту яму.

Они вошли в дом. Крышка картофельной ямы была под кроватью. Пришлось отодвинуть кровать, чтобы открыть ее. Марат заглянул внутрь. Из ямы пахло холодом и прелью. Она напоминала начало подземного хода, идущего в неизвестном направлении.

— Можно залезть?

— Лезь!

Мальчик легко соскользнул в яму. Она оказалась довольно просторной. Картошки в ней почти не было. Марат закрыл за собой крышку и очутился в сплошной тьме. Только в щелку проникал свет настолько слабый, что не мог ничего осветить, а оттенял тьму.

Марат сделал шаг вперед и нащупал рукой стенку. Он опустился на корточки и спиной почувствовал влажный холод глины. Так сидел Зимородок и ждал своего часа. Ему тоже было холодно и у него затекли ноги. Одна нога болела...

— Другая ночь выдалась дождливая. Мглистая. Проекторы на мосту уперлись в туман, и дальше им ходу не было. Мы ждали порожнего товарняка. Зимородок подхватил свой мешок с бульбой и сказал: «Пойдем, хозяйка, проводишь меня до околицы».

— Пойдем, хозяйка, проводишь меня до околицы, — сказал Зимородок и поднялся со скамьи.

Хозяйка зажгла тяжелый фонарь и осветила незваного гостя. Ей неожиданно стало жалко этого щуплого

парня, который весь согнулся под тяжестью мешка да еще прихрамывал. И не было на нем ни ватника, ни дождевика, а смятый пиджачок. Она заметила, что одна пуговица оторвана, и предложила:

— Давай пришью пуговицу.

Он улыбнулся и сказал:

— В другой раз! Пошли.

— Пошли, — вздохнула хозяйка. — Я выйду первая.

Они очутились под дождем у переезда. Поезд приближался. Земля вздрагивала от ударов колес.

— Я тебя хочу попросить, — сказал Зимородок, — ты можешь минуты две подержать красный свет?

— Это еще зачем? — Женщина испуганно посмотрела на Зимородка.

— Чтобы поезд притормозил, а то я с кривой ногой не вскочу на подножку.

Она ничего не ответила. Стояла с опущенным фонарем. А он ждал, какой сигнал подаст она машинисту. Состав приближался. Она все медлила. Страх боролся в ней с сочувствием. Наконец она медленно подняла фонарь — выжала его, как гирю. Он тянул руку вниз, но она с усилием держала его на уровне головы — красным огнем в сторону надвигающегося эшелона.

Состав стал сбавлять скорость. Заскрипели буксы. Зимородок сказал:

— Давай зеленый.

А она все держала красный. И казалось, что сейчас, на глухом переезде, перед носом немецкого эшелона, она держит красное знамя.

— Давай зеленый! Все дело испортишь!

Она повернула фонарь. И сразу руке стало легче. А мимо уже медленно плыли вагоны.

Он стоял с ней рядом. Но через мгновение она оглянулась — его уже не было. Только был — и исчез. Улетел Зимородок.

— Примерно через час грохнуло, я присела на пол, закрыла руками глаза. Дом трянуло. Дверь распахнулась со скрипом. Косой дождь вместе с ветром залетел в дом. Я думала — он вернулся. Не свистела иволга. Я собрала узелок и ушла.

— Он погиб? — спросил Марат.

— Кто его знает, может быть, погиб, может быть,

миновала его смерть. У него была легкая рука. За такую руку смерти трудно ухватиться.

След Зимородка оборвался.

Когда Марат уходил, хозяйка сторржки сказала:

— Есть тут у нас один старожил. Павлов. Он в милиции работает.

Она оставляла мальчику луч надежды.

Новый мост взлетел в воздух, рухнули в реку тяжелые, почерневшие от огня фермы. Остановилось движение к фронту. Снаряды на время стали безвредными, а бензин бесполезным, как вода. Сколько солдатских жизней спас Новый мост, задержавший смерть. Многие и теперь живы... Но ведь мост не сам взлетел в небо. Был человек, назвавшийся Зимородком. И было у него имя. Мама называла его этим именем, ребята в школе. И на фронт он уходил с этим именем, а не с птичьим.

Зимородок. Бесстрашная птица с прямым острым клювом. Он ныряет на большую глубину и возвращается с победой. И если он улетает накануне жестокой зимы, то с первыми теплыми днями возвращается к своему гнездовью.

Марат шагал по шпалам. Он спешил, потому что впереди возник просвет. Ему не терпелось отвоевать у забвения еще частичку жизни Зимородка.

В отделении милиции его спросили:

— По вызову?

— Нет, сам.

— Сами в милицию не приходят. Что натворил?

— Ничего я не натворил. Мне нужен товарищ Павлов.

— Так бы и говорил: «Вызван к товарищу Павлову».

— Да не вызван я...

— Сиди, жди, вызовут. Как зовут?

— Марат. Я ищу человека.

— Так бы и говорил.

— Я так и говорю.

— Не груби старшим... Как фамилия человека?

— Нет у него фамилии. Есть прозвище...
— Прозвище? Это по уголовной части. К Павлову. Ну-ка, шагай в ту дверь.

Марат постучал «в ту дверь». Из-за «той двери» крикнули: «Заходи!» Марат вошел. В комнате за столом сидел пожилой грузный человек в белой рубашке.

— Здравствуйте. Мне нужен товарищ Павлов.
— Я Павлов.

На голове у Павлова не было ни единого волоска. Он был лыс, как глобус. Загорелый, обветренный глобус.

— Я по поводу Нового моста. Его взорвал...
— Следопыт? — прервал мальчика Павлов.
— Ищу человека... Хочу знать о нем правду...
— Ищешь правду? — Следователь встал и подошел к окну. — И я ищу. Только мы с тобой, брат, разную правду ищем. Я ищу преступников, а ты героев. Изда-лека приехал?

— Из города.
— Хорошо, — сказал следователь и провел ладонью по лысой голове, вероятно, эта привычка осталась у него с тех времен, когда на голове росли волосы, может быть, кудрявые. — Я уважаю людей, которые ищут правду. Конечно, от моей правды мало радости. Тебя интересует мост?

— Мост, — сказал Марат, с любопытством слушая следователя.

— Вот он — из окна виден. Новый мост. Три раза его взрывали. И три раза строили заново. В Париже тоже самый старый мост называется Новым. Парадокс!

— Вы знали Зимородка? — в упор спросил мальчик.

— Какого Зимородка?
— Который взорвал мост.

Следователь ответил не сразу.

— Разговор долгий, а мне сейчас выезжать на аварию. — Он задумался и вдруг сказал: — Поедем со мной?

— Поедем.

Следователь открыл ящик стола и извлек оттуда булку и колбасу. То и другое он разделил на две части.

— Давай подкрепимся, дорога дальняя.

Марат хотел отказаться, но Павлов скомандовал:

— Ешь без разговоров!

И они оба решительно вышли из комнаты, жуя на ходу булку с колбасой.

Потом они мчались на мотоцикле. Марат сидел сзади в седле, двумя руками ухватившись за ручку. Дорога бежала навстречу из дали, из полей, из леса. Она сбегала с пригорков и бросалась под колеса мотоцикла. И колесо, как жернов, перемалывало дорогу, и сзади поднималось светлое мучное облако.

— Когда я был мальчишкой, — говорил следователь своему пассажиру, — из-за этого моста чуть на тот свет не попал.

— Вы тоже взрывали?

Мотоцикл тарахтел, встречный ветер свистел в ушах, и чтобы слышать друг друга, спутникам приходилось кричать.

— Ничего я не взрывал. Дело было иначе.

После внезапного взрыва Нового моста фашисты согнали все население станции Река на вокзальную площадь.

Был жаркий июльский день. Люди стояли в этой бесконечной шеренге. Дети плакали. Женщины лихорадочно смотрели по сторонам, словно ждали откуда-то помощи. Старики казались равнодушными, но на самом деле они так же хотели жить, как и молодые.

— Если вы не выдадите человека, взорвавшего мост, мы расстреляем каждого второго, — сказал немецкий офицер.

Люди молчали. Нет, не все они были твердыми и неотступными, они не знали, кто этот смельчак, который дождливой ночью взорвал мост через реку.

Так они стояли долго. Под палящим солнцем. Какое-то тупое безразличие овладевало ими. Они ждали избавления. Любого избавления от неподвижного, изнурительного стояния под солнцем.

Офицер уходил и возвращался. Наконец он разделил людей на две шеренги.

Люди молчали. У кого-то в руках плакал ребенок. Кто-то надолго заикался. Офицер наклонился и сорвал с газона ромашку. Он повернулся к шеренге, стоящей лицом к солнцу, и стал гадать: он отрывал лепестки и приговаривал: «Любит — не любит».

Глаза людей были прикованы к этой ромашке, которая должна была решить их судьбу. Любит — не любит. Лепестков осталось все меньше. Он отрывал их, как крылышки у небольшого белого мотылька. Наконец он оторвал последний лепесток.

— Не любит. Слышите — не любит вас, а любит их, — он кивнул на правую шеренгу. — Они пойдут домой, а вы отправитесь на тот свет. В последний раз спрашиваю: кто взорвал мост?.. Можете не плакать! Мне не нужны ваши слезы. Мне нужен человек, который взорвал мост... Приготовить два пулемета. Последняя минута на размышление...

Все сжались, втянули головы в плечи. Стиснули руки в кулаки. И на площади установилась напряженная глухая тишина. Казалось, люди затаили дыхание, чтобы ничем не потревожить эту тишину, которой суждено было оборваться вместе с их жизнью.

Но страшную тишину разорвал не выстрел, а голос. Такой негромкий, глуховатый голос:

— Я взорвал мост!

Люди вздрогнули и испуганно обернулись на голос, как в темноте оборачиваются на внезапно вспыхнувший свет. Они увидели невысокого шуплого парня в помятом пиджаке. Он шел по площади, опираясь на палку. Левая нога как бы проваливалась в землю, но правая — здоровая — ступала твердо.

Офицер, удивленный не меньше остальных таким поворотом событий, все еще держал в протянутой руке белое крылышко «не любит». А парень шел к нему между шеренгами, и десятки глаз — усталых, заплаканных, печальных, темных, непонимающих, прищуренных, широко открытых — провожали его, дарили ему благодарность и прощальный привет.

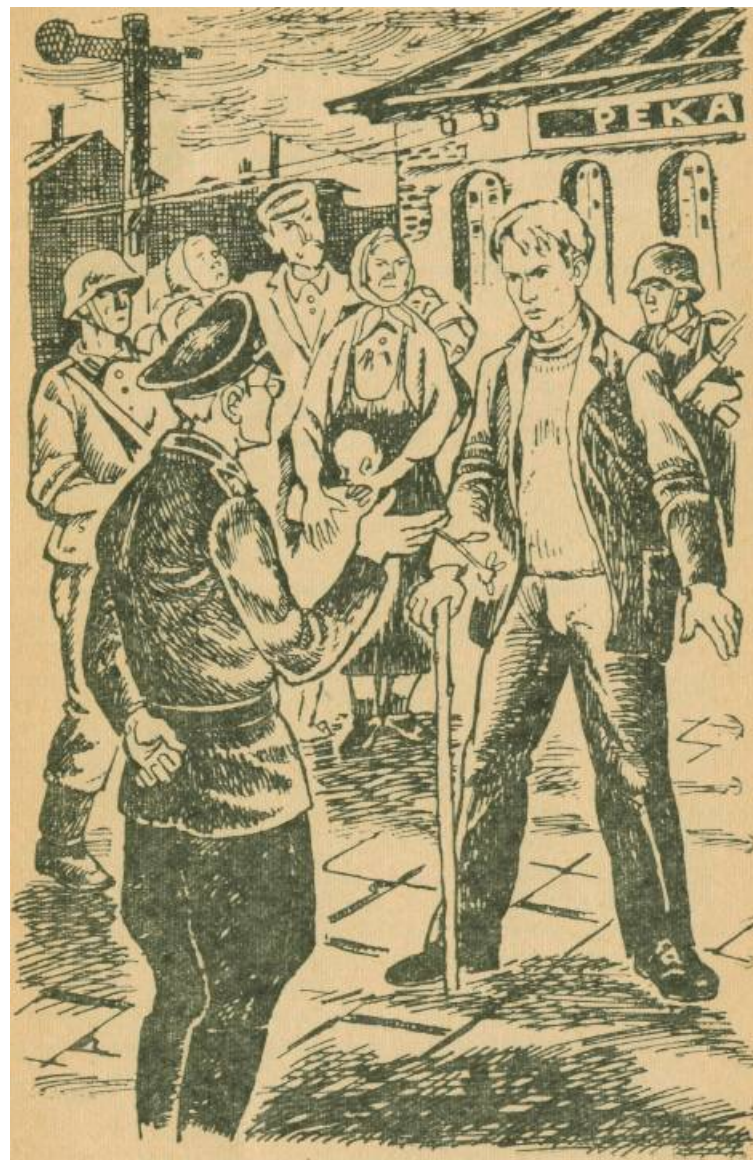
• — Как тебя зовут? — спросил кто-то из стоящих в шеренге.

Парень на мгновение задержал шаг и тихо сказал: — Зимородок.

И его имя — непонятное, птичье имя — полетело от одного к другому по шеренге, становясь таким же дорогим, как слово «жизнь».

— Всем по домам! — приказал офицер. — Его допросить и расстрелять! Быстро! Быстро!

Офицер опустил руку, и белое крылышко, кружась

по ветру, опустилось на землю и больше уже не взлетало.

Белые плоские облака плыли над полем, а тени от них темными пятнами двигались по траве и по набирающим силу хлебам. Мотоцикл мчался вперед, и пыль оседала на сморщенные ладошки подорожников.

— И его расстреляли? — спросил Марат.

Следователь ответил не сразу:

— Этого я не видел. Нас разогнали по домам... Какие-то выстрелы я слышал. Фашисты могли расстрелять за кусок хлеба, а тут мост... Разве может быть сомнение?

И все-таки представить себе Зимородка мертвым, лежащим на земле Марат не мог. Удивительный боец в помятом пиджаке на двух пуговицах жил в мыслях мальчика. И эту его жизнь никто не властен был обрывать.

Поезд тихо постукивал на стыках. Марат стоял у окна и смотрел, как рельсы скрещивались и расходились. Одни — неслись вперед, теряясь в хитросплетениях станционных путей; другие — обрывались в тупиках. Когда же стемнело, у стрелок зажглись низкие фонари, похожие на маленькие сухопутные маячки. Как выбрать себе нужный маячок, который откроет широкий простор, а не заведет в тупик?

Когда поезд с глухим, медленным гулом начал втягиваться в фермы Нового моста, за плечами Марата встал Зимородок. Усталый, с бессонными глазами, смотрящими как бы из глубины.

«Человек очень живучее существо, — сказал Зимородок. — В него стреляют, а он поднимается снова, а если не может подняться сам, то вместо него встает такой же как он, только помоложе и посильнее».

«Как это помоложе и посильней?» — спросил Марат.

«А очень просто: я упаду, ты встанешь на мое место. И опять живет человек, работает, борется. Важно, чтобы ты был похожим на меня. Ты вообще-то веришь в чудеса?»

«Не знаю».

«Я в чудеса не верю. Я верю в надежду. Надежда — большая сила. Ты думаешь, человек идет когда-нибудь

на верную смерть? Нет! Даже герой. Человек идет в бой с надеждой, что пуля пролетит мимо. Даже когда стреляют в упор, человек надеется. И чем больше у человека надежды, тем более бесстрашия. Мне всегда помогала надежда. Мне с ней легко жилось и воевалось. Понял?»

«Понял», — прошептал Марат.

Он так и не повернул головы. Он чувствовал, что Зимородок стоит за его плечами, слышал его дыхание, но не повернул головы, а неотрывно смотрел за маячками, которые всплывали из темноты и исчезали за спиной. И звезды в небе тоже казались маячками — негаснущими маячками надежды.

На другой день друзья уже поджидали его на мосту. Они стояли, прислонясь спиной к перилам, портфели лежали у ног. Марат подошел к ребятам. Бросил портфель и тоже прислонился к перилам. Так они все трое стояли молча. Наконец Марат заговорил:

— Мост он взорвал. Значит, парашют раскрылся. Только при прыжке подвернулась нога. Но потом его расстреляли.

— Поймали? — спросил Василь.

— Нет, он сам признался.

— Не может быть, — вырвалось у Зои Загородько. — Как же сам?

— Фашисты хотели расстрелять много людей.

— Заложников? — спросил Василь.

— Людей! — повторил Марат. — Тогда он сказал: «Это я взорвал мост». Людей отпустили, а его повели на расстрел. Вот и все.

— Вот и все! — Василь как бы поставил точку.

— Неужели все? — спросила Зоя Загородько.

— Нет, не все, — решительно сказал Марат. — Я должен узнать его имя. Человек, который совершил такое, не может оставаться без имени.

— Конечно, не может, — подтвердила Зоя Загородько. И с этой минуты стала союзником Марата в его поисках.

Марат нагнулся и поднял портфель. И все, как по команде, тоже нагнулись и подняли портфели. И зашагали по мосту в сторону школы.

И каждый раз, когда казалось, все кончено, оборвались следы, поставлена точка и нет никакой надежды, — оттуда, из далеких военных времен, доносился неумолкающий позывной:

— Я Зимородок! Я Зимородок!

Он ждал ответа. Он звал. Он вселял в сердце тревогу. Нет, нельзя останавливаться. Поиск продолжается. Может быть, можно отвоевать у смерти и забвения еще один вздох, еще один островок жизни Зимородка.

— Здравствуйте, люди-человеки! Начнем, пожалуй... Сегодня мы займемся слонами.

По классу прокатился смешок. Займемся слонами! А Сергей Иванович уже расхаживал по классу, слегка наклонив свою большую голову.

— Но до слонов я хотел бы заняться Маратом.

Снова вспыхнул смешок.

— И узнать, где он пропадал, что подделывал, почему пропустил урок.

Марат нехотя поднялся. Как всегда, он был озабочен своими мыслями, и что происходит вокруг — его не интересовало.

— У него болела рука! — сказала Зоя Загородько, и ее челочка мелькнула на предпоследней парте.

— Я спрашиваю Марата.

Марат переступил с ноги на ногу и сказал:

— Я искал одного человека. А руку я действительно отбил.

— Какого человека? — спросил учитель.

•— Его расстреляли фашисты.

Учитель сделал несколько шагов, потом обернулся и сухо сказал:

— Не вижу логики. Чего же искать человека, если его расстреляли?

И снова поднялась Зоя Загородько. Ее смуглое лицо горело, а редкая челка разметалась по лбу.

— Это был очень хороший человек, Сергей Иванович... А вы этого не хотите понять... Вас интересуют только клювы и хоботы.

У нее не хватило дыхания. Она села. За густой ра-

стительностью не видно было, как учитель побледнел. Он сказал глухим голосом:

— Да, я этого не хочу понять! Меня интересуют крылья и хоботы, потому что мой предмет — зоология. Если бы я преподавал русский язык, меня бы интересовало правописание частиц. Что здесь удивительного? И на уроке никакие посторонние вещи меня не касаются. Тебе это непонятно, Зоя Загородько?

— Понятно, — недовольно ответила смуглолицая девочка.

— Садитесь все! Будем продолжать урок. Займемся отрядом хоботных.

— Слонами? — спросил Василь.

— Сперва мышами.

По классу прокатился смешок. Но учитель не обратил на него внимания.

— Начнем с мышей. Потому что, хотя слон самое крупное и самое сильное животное в мире, простая ничтожная мышь может погубить его. Берегите слонов!

Василь хихикнул. Но Марат ударил его локтем в бок. И тот притих.

По коридору шел директор школы и инспектор роно. Они остановились у дверей класса. Оттуда доносился несмолкаемый гул. И сквозь этот гул слышался глуховатый голос учителя:

— Александр Македонский в своих завоевательных походах использовал боевых слонов. Слоны были танками древних войн...

В это время послышался голос Василя:

— Танки с хоботом и клыками. А вместо противотанковых мин — мыши!

В классе вспыхнул смех.

— И так всегда на уроках Серегина, — недовольно сказал директор. — Какой-то балаган, а не урок.

— Неопытный? — поинтересовался инспектор.

— Нет, стаж работы у него большой. Но не умеет он серьезно. Все шуточки! Ему бы следовало перейти на другую работу.

— Подумаем, — сказал инспектор.

— Никакого авторитета у ребят, — продолжал ди-

ректор и вместе с инспектором зашагал дальше по пустому школьному коридору, в котором шаги отдавались гулко и четко.

А на исходе дня, когда школа опустела, директор застал учителя зоологии за странным занятием: Сергей Иванович съезжал с четвертого этажа по перилам.

— Как это понимать, товарищ Серегин? — вспыхнул директор.

Сергей Иванович молчал, как провинившийся ученик.

— Какой пример вы подаете детям?

Учитель молчал. Потом провел рукой по волосам и тихо сказал:

— Устал я очень.

И пошел прочь, оставив директора с его сложными педагогическими раздумьями.

Зоя Загородько и Василь шли по улице без всякого дела. Припекало солнце. Первый летний месяц набирал силу. И зеленая листва, растревоженная ветром, издавала морской шум. Зеленое море, взметнувшееся к синему небу.

Неожиданно Зоя Загородько остановилась и спросила своего спутника:

— Василь, у меня красивые глаза?

— Не знаю, — признался мальчик.

• — Посмотри внимательно.

Василь уставился в глаза девочки.

— Смотрю.

— Что ты видишь?

— Глаза.

Зоя Загородько поправила рукой челку и сморщила нос.

— Эх ты, глухая кукушка.

— За «глухую кукушку» можешь схлопотать! — тихо буркнул Василь.

Зоя Загородько повернулась на каблучках и пошла, размахивая портфелем. Василь поплелся за ней.

Около тира их окликнула огромная бабка, которая вышла из своего туннеля и грелась на солнышке и занималась своим привычным делом • — вязала.

— Где ваш приятель? — спросила бабка, посмотрев

на ребят маленькими бесцветными глазами. — Мне он нужен.

— Появился Седой? — поинтересовался Василь.

— Никто не появлялся, • — сухо сказала бабка. — А приятеля пришлите.

— Он обязательно придет, — сказала Зоя Загородько, но огромная бабка уже не слушала ее: она ушла в работу, и ребята перестали для нее существовать, словно их не было вовсе.

В тире, за ее широкой спиной, треснуло несколько выстрелов.

— Может быть, нашелся Зимородок? — предположила Зоя Загородько, когда ребята свернули за угол.

— Как же он нашелся, если его расстреляли? — резонно заметил Василь. — Она имя его знает, а нам не хочет говорить. Каменная баба!

Через несколько шагов Зоя Загородько спросила Василья:

— Василь, у меня красивые губы?

— Не знаю.

— Посмотри внимательно.

— Смотрю.

— Что ты видишь?

— Губы.

А еще через несколько шагов она сказала:

— Знаешь, на кого похож этот Зимородок?

— Не знаю, — признался Василь.

— Он похож на Марата, — доверительно сказала Зоя Загородько. • — Только об этом никто не должен знать. Слышишь?

— Слышу.

К вечеру, когда тир принадлежал взрослым и выстрелы звучали медленно, с расстановкой, Марат стоял перед бабкой. Она говорила ему:

— Вспомнила... У нас в Жуковке был отряд. Там один парень умел свистеть иволгой... Имя его не помню... Есть в Жуковке братская могила. Похоронены партизаны. Имена написаны на камне... В Жуковке у меня тетка живет. Жукова Алевтина. У нас почти все Жуковы... Стрелять будешь? Не будешь, тогда отойди от огневого рубежа. Не мешайся.

— Может быть, его звали Зимородок? — спросил мальчик.

Бабка устала и на него и мрачно сказала:

— Я У фашистов на допросах молчала. А ты меня допрашивать вздумал... Стрелять не будешь? Иди, иди.

Марат понял, что больше он не добьется от каменной бабы ни единого звука. И еще он понял, что надо немедленно ехать в Жуковку.

Они шли по узкой лесной тропинке, раздвигая руками ветки. Впереди, переваливаясь с боку на бок, шла тетка Алевтина, такая же огромная и грузная, как ее племянница из стрелкового тира. Темные босые ноги не чувствовали колючек и сучков, которые попадались на тропинке.

За теткой Алевтиной шел Марат. Он был поглощен своими мыслями, и ему казалось, что тетка Алевтина идет слишком медленно. За ним шла Зоя Загородько. Она не спускала глаз с Марата. Она смотрела ему в затылок с тихим восторгом, потому что все, что было связано с Зимородком, переносилось в ее сознании на Марата.

Василь шел последним. По его лицу струился пот, а губа, поднятая домиком, пересохла.

Они шли довольно долго, пока внезапно не вышли на поле. Над полем возвышался холмик с белым обелиском. У подножия холмика тетка Алевтина остановилась и, опустив руки, сказала:

— Вот могилка-то. Все тут. И мой Ванятка здесь похоронен...

Ребята приблизились к обелиску и стали быстро читать имена погребенных. И вдруг Зоя Загородько воскликнула:

— Здесь!

Ей стало неловко от своего выкрика, и она тихо сказала:

— Зимородок.

Действительно, на каменной доске, в столбике фамилий было написано — вернее, высечено на камне — «Зимородок».

— Все-таки он погиб, — сказал тихо Марат.

— Марат, — Зоя Загородько положила руку на плечо друга. — Ты веришь, что он погиб?

Марат молчал. А Василь сказал:

— Тут дело ясное.

Тетка Алевтина стояла за ребятами. Она ушла в свои мысли и как бы окаменела. Может быть, она думала о своем Ванятке?

И вдруг что-то нахлынуло изнутри и пробило каменную бабу, и старая женщина заговорила:

— Девять телег стояло здесь на поляне. Девять гробов. И много народу сошлось в этот день в Жуковку. Стоял август. Я помню число — 25 августа. В этот день каждый год собираются партизаны. С каждым годом их все меньше остается... Словно отряд где-то ведет бой. И не все возвращаются. Так вот в тот день у разрытой могилы речь говорил Петр Ильич...

Ее память воскресила тот тяжелый военный день. И зазвучал голос партизанского командира.

— Товарищи! Братья! Не судите нас строго, что мы провожаем вас в последний путь без оркестра, в неоструганных гробах. Человек ко всему привыкает. Но привыкнуть к утрате друзей он никогда не сможет. Нам без вас будет труднее в бою, а если пуля пощадит нас и мы доживем до победы, нам будет не хватать вас всю жизнь. Мы никогда не забудем вас. Мы накажем своим детям помнить вас. Потому что во всем, что будет потом: в новых городах, в новых кораблях, в новых дорогах, — будет частица ваших усилий, частица ваших страданий... Прощайте, товарищи, ваша жизнь оборвалась на полпути, вы не дожили до седых бород. Вы останетесь в нашей памяти навечно молодыми. Но молодых будущее поколение поймет легче, чем стариков. Вы будете учить наших детей, как надо любить Родину. Пусть будет вам земля пухом... Огонь!

И все, кто стоял над свежевырытой могилой, подняли свое оружие и выстрелили. И гул этого салюта грозной волной покатился по лесам и полям.

— Почему девять? — спросил Василь. — Здесь девять фамилий. Ошибка?

— Кто его знает. Только хоронили девятиерых. Я-то помню, девять телег прогремело по дороге. А дед Аким сколачивал девять гробов. Ему теса не хватило, он ходил по дворам...

— Кого же там нет? — спросил Марат, показывая рукой на могилу.

— Этого я не знаю, — призналась старая женщина. — Это знает только Петр Ильич Лучин, партизанский командир.

— Где же он?

— Петр Ильич? Живет в Одессе, на пенсии. Болеет. Жена его — партизанская учителька — тоже с ним. А я никого не знаю. Я только Ванятку знала...

Она замолчала. Стала каменной.

— Вот видишь, — сказала Зоя Загородько. — Надо верить.

— Для чего же написали? — все не мог разрешить своих сомнений Василь.

Но ему никто не ответил. Ребята стали медленно спускаться с холма. Они попрощались с теткой Алевтиной. Но та не заметила их, все стояла, неподвижная и углубленная в свое давнее горе.

Каждый раз на пути к Зимородку жизнь создавала новые и новые препятствия, словно хотела испытать выдержку красных следопытов. Отчаяние приходило к Марату и его друзьям. Они вешали головы. И вместе с тем в их поиске было что-то живучее, идущее наперекор всему. Сквозь мутные туманы безвестности светил далекий огонек надежды. Они спешили навстречу Зимородку, словно хотели вернуть ему все, что отняла у него война: имя, жизнь.

На лесной полянке, с которой когда-то взлетел маленький трескучий кукурузник с пареньком, не знавшим даже, как обращаться с парашютом, на холме с белым обелиском они узнали о его смерти и захотели вернуть ему жизнь. Как скалолазы, которым каждый неприметный выступ помогает сделать еще один шаг к вершине, они ухватились за слова, оброненные теткой Алевтиной: «хоронили девятерых».

Хоронили девятерых! Кто же был десятый? Зимородок? И тут перед Маратом возникал человек, маленький, чернявый, в золотых очках.

«Это надо еще доказать!» — говорил он и уходил, щелкая каблуками.

Они шли по лесной тропинке, и следом за ними летели тихие, овевные непреходящей печалью слова:

— И мой Ванятка здесь похоронен.

Но никто же не сказал:

— Здесь спит вечным сном Зимородок.

Ю

Отец Зои Загородько сказал:

— Ждите! Представится удобный случай — свожу вас в Одессу.

Случай долго не представлялся. Отец летал по другой линии. Ребята хотели было написать письмо партизанскому командиру Петру Ильичу Лучину, но какое-то чувство подсказывало им, что есть вещи, которые нельзя доверять бумаге, надо высказать их самим. Для них Зимородок был еще жив. Он просто был на стоящем зимородком: глубоко нырнул в одном месте, вынырнет в другом.

Каждый раз, встречаясь на мосту, ребята вопросительно смотрели на Зою Загородько. И она отвечала:

— Еще не представился случай. Но представится...

Они шли мимо тира, который в ранний час еще был закрыт. И на тяжелых воротах висел замок. Может быть, за этим замком хранится еще один след Зимородка?

Василь последнее время стал прихрамывать и прицепил к куртке синий значок с изображением парашюта. Сам с собой он играл в Зимородка.

Он поднял замок и опустил. Замок с грохотом ударился о ворота. Ребята зашагали дальше.

— Говорят, в Заречье живет такой доктор — Строи-ло. Слыхали? — неожиданно сказал Василь. — В войну он был начальником подпольного госпиталя. Этот доктор много знает... Может быть, и про Зимородка?

— Так за чем же дело? • — спросила Зоя Загородько.

— Говорят, он не любит рассказывать.

— Почему не любит?

— Натерпелся.

— От кого натерпелся? • — Марат распрямился и посмотрел на Василя. — От фашистов?

— Нет, фашисты до него не добрались. Он натерпелся от средних.

— От каких средних? — Зоя Загородько заглянула в лицо Василя.

— Есть такие средние люди. Они не фашисты и не антифашисты. Вываренные люди.

— Кто их... выварил?

У Василя губа поднялась домиком и покраснели уши.

— Почему я знаю! Сами выварились.

— Знаешь его адрес? — спросил Марат.

— Нет.

— Можешь узнать?

— Я все могу, — прихвастнул Василь и захромал сильнее.

— Тогда завтра махнем к этому доктору.

Но назавтра три друга оказались не в Заречье у загадочного доктора Строилю, а на аэродроме. Случай представился. Папа Зои Загородько летел в Одессу.

Три воздушных зайца стояли на летном поле и ждали, когда полноправные пассажиры закончат посадку.

— А вдруг не хватит места? А вдруг не хватит места? — поминутно спрашивал Василь и дергал Зою Загородько за рукав.

— Отвяжись, глухая кукушка.

— За «глухую кукушку» можешь схлопотать! — огрызнулся Василь, но тут в дверях самолета появился высокий смуглый человек в синем форменном костюме. Он махнул рукой, и ребята побежали к трапу.

Потом они летели, усевшись втроем на два места. И совсем близко под ними расстилалась белая изнанка облаков.

Зоя Загородько смотрела на Марата, и ей казалось, что он вот-вот отвяжется и совершит отчаянный прыжок с парашютом в районе станции Река. Глаза девочки светились затаенным восторгом. А Марат сидел с закрытыми глазами, и ему казалось, что он летит на стареньком кукурузнике и толкает в плечо седого пилота с лицом индейца, покрытым густым, замешанным на ветру загаром:

«Пора прыгать?»

А Седой кричит через плечо:

«Отвяжись!»

И вокруг трещат разрывы и бросает самолет из стороны в сторону.

Зоя Загородько берет его за пуговицу и тянет. Он открывает глаза, смотрит на девочку. •

— Ты что?

— Хочешь, я пришью тебе пуговицу?

— Так она не оторвалась, — говорит он, не понимая, чего она от него хочет.

— Но, может быть, она оторвется, — говорит Зоя Загородько и опускает глаза, и они блестят под редкой челкой, которая спускается со смуглого лба.

А Василь трогает свой значок с изображением парашюта.

Самолет ложится на левое крыло и идет на посадку.

— Через три часа летим обратно. Как хотите, так и действуйте. Три часа на размышление, товарищи следопыты!.. Зоя, купишь матери дыню. Все!

Три часа дал на размышление ребятам папа Зои Загородько. За три часа они должны были разыскать партизанского комиссара Петра Ильича Лучина и узнать то, что не давало им покоя. Оборвется след или потянется дальше?

Вперед, красные следопыты, неутомимый народ, возвращающий имена безымянным героям, борющийся с забвением, как борются со злом. Не верьте ушам — уши могут недослышать; не верьте глазам — глаза могут недосмотреть. Верьте только сердцу.

11

Есть на нашей земле гордые города, которые умеют весело жить и смело воевать, но не сдаваться. Эти города — узловыe станции: сюда стекаются пути со всех концов света и завязываются узлом дружбы. Здесь говорят: «Умирать — так с музыкой!» С музыкой орудий и автоматов и с хриплым «ура», от которого врагов прошибает холодный пот. Эти гордые города, как старые солдаты, в серых шрамах. И на их груди мерцают звезды героев. И они бессмертны, потому что на смену отцам приходят дети, и дети похожи на отцов, только моложе, задиристей, и у них легче походка.

Одесса — такой город. Говорят, в Одессе камни соленоватые от ветра, который доносит капли морской

воды. А в камнях, из которых сложены дома, впаины перламутровые ракушки. И под улицами, домами, площадями есть еще одна Одесса — подземная. Называется она — катакомбы. Фашисты шли на одну Одессу, а их встретили две: наземная и подземная. И было еще две Одессы, обрушившие на врага огонь, — морская и воздушная.

Но это было давно, а теперь раны затянулись. Светит раскаленное солнце. Прибой перекачивает камешки с одного места на другое. Корабли здороваются и прощаются с городом.

Но, может быть, камни города соленые не только от морской воды, но и от крови?

— Здравствуйте, нам нужен Петр Ильич!

Марат и его друзья замерли на полутемной лестничной площадке, а в открытых дверях перед ними стояла черноволосая женщина с темными ввалившимися глазами. Она молча смотрела на ребят, потом сказала:

— Вы опоздали.

• — Мы подождем, — сказал Марат, — у нас есть еще время.

— Понимаете, мы прилетели издалека, — пояснила Зоя Загородько.

— Он умер, — сказала женщина. — Вчера его похоронили.

— Как же быть?! — вырвалось у Марата.

— Пошли, ребята, — тихо сказал Василь. — Простите за беспокойство.

Надо было уходить, но какая-то сила удерживала ребят у порога дома бывшего партизанского командира, который умер накануне их приезда. Словно стены дома хранили тайну судьбы Зимородка. Хозяйка тоже не торопилась закрыть дверь. Наконец она нарушила неловкое молчание:

— Чего вы хотели от Петра Ильича?

— Мы разыскиваем одного бойца. Мы были на его могиле...

— Как его фамилия?

— В отряде его звали Зимородок.

— Зимородок?! — Хозяйка дома произнесла это имя на свой лад, делая ударение на первом слоге. И на лице ее отразился слабый отблеск улыбки. — Зй-

мородок! Забавный был паренек. Он ходил в мою школу.

— Какой номер школы? — не удержался Василь.

— У школы не было номера... Это была партизанская школа. Днем я учила ребятшек. Вместо счетных палочек были стреляные гильзы... А вечером учились бойцы.

В большой землянке были низкие, давящие потолки, а две коптилки, сделанные из медных артиллерийских гильз, стояли на столе и высвечивали небольшое пространство и классную доску, настоящую классную доску. Парты тоже были настоящие: видимо, их вывезли из уцелевшей школы. Но они казались очень маленькими и тесными, потому что за ними сидели здоровые дяди. Некоторые бородатые. При свете коптилок эти бороды выглядели как-то зловеще. Еще коптилки освещали лицо учительницы, молодое, удивительно красивое. Гладкие черные волосы были заплетены в косу. Учительница выглядела очень молодой, а ученики очень старыми, хотя были они одногодками.

— У нас кончился мел, — сказала учительница, — не знаю, как быть.

— Я раздобуду вам мел.

Из-за парты поднялся невысокий парень в пиджаке, застегнутом на три пуговицы. Его глаза весело горели: в каждом зрачке играл уменьшенный огонек коптилки.

— Где ты раздобудешь?

— Военная тайна. Завтра будет у вас мел.

— Как твоя фамилия? — спросила учительница. — Ты в отряде новичок?

— Новичок! • — ответил парень. — Зовут меня Зимородок.

Бородатые ученики захихикали.

— Разве человека не могут звать Зимородком? — спросил он, поворачиваясь к товарищам. — Я могу свистеть иволгой.

Все снова рассмеялись.

— Вот чудак, — чуть обиженно сказал парень. — Я дело говорю, а они смеются...

— Послушай, Зимородок, ты сколько классов кончил? — спросила учительница.

— Восемь.

— А мы за пятый класс проходим. Зачем ты пришел?

— Учиться хочется! Я и в школе любил учиться. Честное слово! Каждый день узнаешь новое. Решаешь задачу, которую вчера не мог решить. В первый раз читаешь стихи, и кажется, Лермонтов написал их специально для тебя, еще чернила не высохли...

Бородачи притихли. А молоденькая учительница слушала с широко открытыми глазами.

— По-моему, когда человек перестает учиться, он перестает жить. А на войне так хочется жить!

И тут он замолчал, смутился и, чтобы скрыть свое смущение, спросил:

— Так показать, как свистит иволга?

Учительница кивнула, и он засвистел. Свист был похож на голос флейты. И стены землянки как бы раздвинулись. И огромный густой лес с высокими деревьями и низким подлеском возник из этой птичьей песенки. Этот лес жил, двигался, одни деревья сменялись другими, маленькие делянки переходили в орешник, за орешником вставляли медноствольные сосны. А свист иволги то приближался, то удалялся, такой родной и такой недоступный.

Комната партизанского командира Петра Ильича Лучина была небольшой и еще хранила устойчивый запах лекарств. У стены в углу стояла солдатская койка, застеленная серым одеялом. Над койкой висела тяжелая сабля с червлёным эфесом и Трофейный кинжальный штык, тоже в ножнах. На окне стояли растения с темной мясистой зеленью. Еще в комнате был рабочий стол с тисочками: видимо, бывший командир что-то мастерил.

Ребята сидели на стульях, а хозяйка дома — «партизанская учителька» — стояла у окна.

— Когда он взорвал Новый мост, — рассказывала она, — я долго не вычеркивала его из классного журнала. Я вообще никогда не вычеркивала погибших. Ставила «нет». На всякий случай.

«Партизанская учителька» подошла к койке и опустилась на самый краешек, по привычке, боясь потревожить больного. А больного-то не было.

— Петр Ильич умер от старых ран, — вдруг сказала она. — Последнее время старые солдаты часто умирают. Догоняют их военные пули.

Ребята молча слушали хозяйку дома, все еще не решаясь задать ей главный вопрос.

— Человек ко всему привыкает. Но привыкнуть к утрате друзей никогда не сможет, — тихо произнесла партизанская вдова и замолчала.

Ребята переглянулись. Эти слова показались им знакомыми, прозвучали сейчас как эхо.

И тогда Марат сказал:

— Мы были в Жуковке, на братской могиле, где похоронен Зимородок.

— Зимородка нет в этой могиле.

— Как нет? Там написано... — вмешался в разговор Василь.

Партизанская учительница покачала головой:

— Мы знали, что немцы расстреляли его. И что-бы имя его не затерялось, написали его на доске рядом с именами других, погибших в бою. Но в могиле его нет.

Ребята посмотрели на Марата и заметили, что глаза его тревожно светятся, словно видят то, чего в эту минуту никому не дано было увидеть.

За его плечом встал Зимородок. А впереди зажегся огонек надежды. Он горел вопреки всему. Да здравствует надежда! Как бы жили на свете люди, если бы не было надежды? Как бы они сражались, достигали цели?

12

— Люди-человеки, а не пойти ли нам в лес? — сказал Сергей Иванович, переступая порог.

Неожиданное предложение учителя класс встретил дружным «ура».

— Тише! Парад не начался. Хочу, чтобы вы знакомились с природой не только по учебнику... Вы когда-нибудь держали в руке птенца? Теплый, вздрагивающий комочек, полный упругой жизни. Тот, кто не держал в руке птенца, не сможет взять в руку сердце, а будущим врачам придется держать в руке сердце человека... Сейчас в лесу много невезучих птенцов. Положить выпавшего птенца в гнездо — полезное заня-

тие... Собирайтесь. По школе идем с закрытыми ртами. Решено?

— Решено! — за всех отозвался Марат и хлопнул крышкой парты.

Класс мгновенно опустел. Ребята двинулись цепочкой по коридору. Василь нес под мышкой бумажного змея.

Школа была на окраине города, и добраться до поля не составляло труда.

Учитель шел впереди по высокой траве, а ребята, вытянувшись в длинную цепочку, шли за ним. Цепочка эта была неровной. Она местами выгибалась, местами рвалась и нехотя тянулась в сторону леса. А над ними в вышине вился бумажный змей с нарисованной кривой рожей. Змей послушно плыл на веревочке за ребятами. Сергей Иванович остановился, и ребята, на-талкиваясь друг на друга, тоже остановились.

— Слышите легкий звон? Это вьется над полем жаворонок. Весенняя полевая птица. В лесу мы обязательно встретим дятла.

Вскоре цепочка исчезла в чаще. И сразу весь мир наполнился множеством тонких звуков. Птицы пели на все лады — каждая пробовала свое горлышко.

Учитель остановился. Прислушался.

•— Слышите?

Ребята поворачивались в сторону звука.

— Слышите? Это поет малиновка. Конечно, ее пение не сравнишь с пением соловья. Но некоторые колена очень схожи.

Он старался увлечь ребят, открывал им тайны ожившего леса. Он вел их на звук птичьей песни, а ребятам хотелось бегать, перепрыгивать через ручьи и взбираться по склонам оврагов. И тех, кто шел рядом с учителем, становилось все меньше. Это не смущало Сергея Ивановича. Он как бы рассказывал самому себе:

— Да, наши птицы, может быть, и скромней по расцветке, чем пернатые тропических стран, но разве какая-нибудь птица в мире сравнится по пению с соловьем или малиновкой.

Дымчатые очки мешали ему любоваться лесом. Он снял их, но тогда все вдруг расплылось, пришлось снова надеть очки. Он оглянулся и заметил, что рядом

с ним идет только одна девочка, курносенькая, в больших очках, которые захватывали часть ее щек.

— А где же остальные? — спросил он.

— Ищут птенцов, выпавших из гнезда.

— Да, да, — рассеянно произнес учитель. — Иди и ты, ищи.

Девочка побежала. Учитель остался один. Теперь он прислушивался не к птицам, а к голосам ребят и силился разглядеть их среди деревьев. Ребята как бы затеяли с учителем веселую игру в прятки. Но не было в лесу палочки-выручалочки, которая помогла бы ему.

Однако это не огорчало учителя. Он выпустил на волю веселого шумного джина и понимал, что загнать его обратно в сосуд, именуемый классом, было делом почти невозможным.

Сергей Иванович вышел из леса. Он медленно шел по мокрой траве через поле. Потом он услышал тихий шорох, и к его ногам опустился бумажный змей. Из травы смотрела смешная рожа, нарисованная лиловыми чернилами.

Сергей Иванович опустился на парту и стал ждать возвращения ребят. Он немного устал и уперся подбородком в сложенные замком руки. О чем он думал, пожилой человек с лицом, заросшим густой бородой? Может быть, вспоминал то далекое время, когда сам сидел за партой?

Неожиданно дверь отворилась и в класс вошел директор школы. Учитель встал, как встают ученики, когда входит старший.

— Где класс? — спросил директор, испытующе глядя на Сергея Ивановича.

Учитель стоял молча, опустив голову, как провинившийся.

— Сбежали?

— Я их отпустил. У нас было практическое занятие на природе.

— Не выгораживайте вы их! Сбежали! — сказал директор, усаживаясь за учительский стол. — Не получается у вас, товарищ Серегин. Садитесь.

— Разве не получается? — спросил учитель, продолжая стоять.

— Вы же ведете себя с ними, как равный. Где ваш

учительский авторитет? Бороду отрастили, как Миклухо-Маклай.

— Нельзя бороду? — спросил учитель.

— Это вам решать. У нас ни один учитель не носит бороду... И не съезжает на перилах с четвертого этажа... У вас в распоряжении целое лето. Подумайте. Может быть, вам стоит заняться другим делом?

— Может быть, — пробормотал учитель.

— Вот таким образом, — закончил директор и, шумно отодвинув стул, пошел прочь.

А Сергей Иванович все стоял за партой.

В класс начали возвращаться ребята. Они входили шумные, возбужденные неожиданной прогулкой по лесу. Они не заметили, что учитель расстроен чем-то.

В класс вбежал Марат. Ладони его были сложены корабликом, как складывают на ветру, чтобы не погасла спичка.

— Я нашел птенца!

Сергей Иванович подошел к нему. Марат приоткрыл ладони. В них, как в гнезде, сидел птенец.

— Я нашел его в ручье. Он чуть не утонул.

Учитель снял очки и приблизил лицо к маленькому пернатому существу.

— Это птенец зимородка.

При слове «зимородок» Марат оглянулся на своих друзей. У Зои Загородько заблестели глаза, а Василь раскрыл от удивления рот. В это время птенец приподнял одно крыло, привстал на слабые лапки и вдруг изо всех сил рванулся, замахал крыльями. Его нельзя уже было удержать. Он полетел. Сделал круг и вылетел в открытое окно.

— Улетел зимородок, — сказал Марат.

Все ребята стояли у окон и провожали летящего птенца. Учитель тоже наблюдал за полетом птенца, и в глазах его застыла печаль.

На другой день начались каникулы.

13

Доктор Строило был длинный и худой, слегка сутулился, словно все время боялся удариться головой о притолоку. У него были наполовину седые сизые воло-

сы и глаза навывкате. А руки свисали, как опущенные крылья. Он стоял на крыльце и недружелюбно разглядывал незваных гостей. Дом у него был небольшой, рубленый, с палисадником — пригородный дом в конце городской улицы.

— Что вам надо? — спросил он ребят.

— Мы ищем человека, — неуверенно сказал Марат.

— У меня не адресный стол! — сердито отрезал негостеприимный хозяин. Было непонятно, сердится он или скрывает усмешку.

У Василия покраснели уши. И он почти крикнул:

— Его же расстреляли фашисты! Но мы верим, что он жив!

Доктор Строило продолжал смотреть на ребят выпученными глазами.

— Меня не интересует, во что вы верите. С вашей фантазией во что угодно можно поверить... Боль можете терпеть?

Ребята удивленно переглянулись.

— Уколов боитесь?

— Не боимся мы уколов, — сказала Зоя Загородько. — Пошли, ребята!

Доктор Строило выкатил глаза на нее и закричал:

— Вытирайте ноги! Почище! Я полы сам мою!

Это было приглашение войти в дом. Ребята зашаркали ногами на маленьком половичке. И доктор Строило повел их в дом. Они очутились в небольшой комнате с низким потолком. На окнах, на столе, на тумбочках — всюду стояли большие и маленькие аквариумы, в которых плавали удивительные рыбы и рыбешки. Комната была скорее похожа на зоомагазин, чем на комнату, в которой живут люди. Ребята разбрелись и начали было рассматривать рыб, но хозяин сухо командовал:

— Садитесь! На диван!

Они послушно сели на диван.

— Что за новое поветрие — искать человека? — спросил доктор Строило. — Сколько лет не искали, и вдруг... понадобился человек. Или неловко жить стало без человека?

— Он наш друг, — сказал Марат.

— Ба! — Доктор заходил по своей маленькой комнате, и от его шагов пол задрожал, а вода в аквариу-

мах слегка заколыхалась. — Да вас тогда и на свете не было, когда фашисты... расстреляли вашего человека.

— Он наш друг, — упрямо повторил Марат. — Он нам нужен.

Доктор Строило подсел к ребятам и, согнувшись почти вдвое, оперся локтями о колени.

— Что вам о нем известно, о человеке-то?

— Двадцать третьего августа он взорвал Новый мост на станции Река. За это его в тот же день расстреляли.

Доктор Строило поднялся и ушел в другую комнату. И вскоре вернулся с большой конторской книгой.

Он стал листать пожелтевшие страницы, и ребята видели какие-то записи, сделанные размашистым почерком. Потом узловатым пальцем, похожим на ветку с обрубленными сучками, доктор стал водить по странице.

— Двадцать четвертого августа в госпиталь поступил партизан с тремя пулевыми ранениями. Видимо, он... Состояние раненого крайне тяжелое. Как его звали?

— Зимородок, — ответили все трое.

Это имя прозвучало как пароль, потому что в докторе Строило что-то ожило, посветлело и в его выпуклых глазах появились какие-то точки, разгорающиеся как искры. Пароль «Зимородок» открыл забытую дверь в прошлое, и из нее хлынули воспоминания.

Зимородок лежал за станционными путями, в овражке. В помятом пиджачке, застегнутом на оставшиеся две пуговицы. И был он какой-то маленький и легкий. Голова упала к плечу. Глаза были закрыты, а нос торчал бугорком. Маленький, острый, похожий на клюв. На щеке запеклась штыковая рана. Одна рука сжала полу пиджака, другая откинулась ладонью вверх, и между пальцами протиснулись стебельки травы. И казалось, трава скоро поднимется еще выше и скроет его от глаз друзей и врагов.

На дне оврага стояли двое парней, а третий — на краю оврага наблюдал, не придут ли фашисты.

Парень в кепке, нагнутой на глаза, копал могилу, а его напарник неотрывно смотрел на расстрелянного. И вдруг он сказал:

— Подожди... Он, кажется... дышит.

Стриженный опустился на колени и прильнул ухом к груди Зимородка. Потом поднялся и сказал:

— Бьется! Где-то далеко-далеко бьется!

Парень в кепке отбросил лопату, подошел к нему и опустился на колени.

— Бьется! — согласился он. — Здесь земля сырая... от крови.

— Что же будем делать?

Парни молча стояли на коленях и смотрели на незнакомца. Сверху, с края оврага, спросили:

— Закопали?

Ему не ответили.

— Надо отнести его подальше. Он ведь мою мать спас, — сказал парень в кепке.

— И двух моих сестренек расстреляли бы...

Он был жив. Изо рта текла тонкая, высыхающая на ветру струйка крови. Это была живая кровь.

— Его надо переправить к доктору Строило, — сказал стриженный. — Надо раздобыть подводу.

Два парня осторожно подняли на руки полуживого Зимородка.

— Закопали? — спросил сверху стоящий на посту.

— Да он жив! — наконец ответили ему снизу.

Потом по дороге ехала подвода, груженная прошлогодней соломой. Воз был большой, похожий на желтое облако. На возу сидел парень в кепке. Лошадь шла резво, и телега, подпрыгивая на камнях, гроыхала коваными ободами.

На переезде через ручей, когда лошадь пила воду, парень в кепке спросил:

— Как ты там? Пить хочешь? Ну, подавай же голос, дружище.

Со стороны казалось, что он говорит сам с собой, потому что вокруг никого не было.

— Может быть, он... кончился? — сам себя спросил парень и погнал лошадь.

Потом им повстречался немецкий патруль. Немец крикнул:

— Хальт! Абвейс!

Парень полез в карман и протянул немцу «аб-

вейс» — пропуск. Немец надел очки. Посмотрел. Вернул пропуск. И вдруг прошил воз дробной автоматной очередью. Возникнул. Лошадь рванула вправо, воз скатился на обочину и чуть не перевернулся.

Немец стоял на дороге и вытирал очки носовым платком. Очень аккуратный немец: и службу знает, и чистоту любит.

Воз выбрался на дорогу. И снова колеса запрыгали по камням.

Уже в лесу, в чаще, парень в кепке соскользнул с воза и долго прислушивался, что происходит под соломой: попали немецкие пули в раненого или прошли мимо?

— Эй, парень! Ты жив? А? Ну, отзовись! Отзовись!

Возникнул забыл о всякой предосторожности. Он кричал на весь лес. Он требовал, чтобы тот, кого он вез под ворохом соломы, был жив. Он кричал и прислушивался. Он обходил воз со всех сторон и прислушивался. Пока до его слуха не донесся слабый стон.

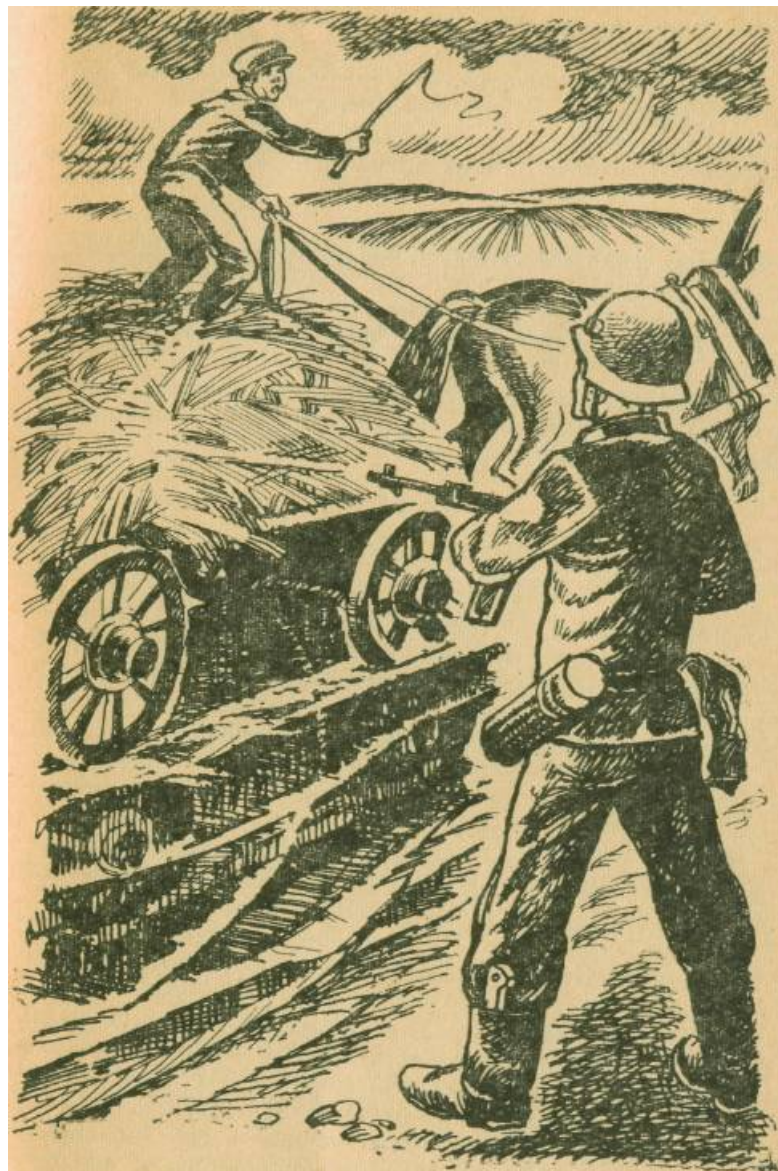
— Жив! — обрадовался парень в кепке. — Жив! Держись... Но, но, пошла! — прикрикнул он на лошадь и побежал рядом с возом.

Дорога в лесу была мягкой, без камней, и телега не гроыхала, а как бы плыла по ней бесшумно. И все вокруг было заполнено разноголосым щебетом птиц.

Наконец воз остановился. На небольшом пятачке, среди лопастых елок. Из-за деревьев вышли люди и молча принялись сбрасывать на землю солому. Воз таил. Становился все ниже. А возник и распряженная лошадь стояли рядом и ждали. Наконец последние охапки соломы были сброшены — на дне телеги лежал Зимородок. В его лице не было ни кровинки. И только полоска засохшей крови, как шрам, тянулась от уголка рта до подбородка.

Парень в кепке склонился над Зимородком. И лошадь тоже потянулась к нему и коснулась его щеки мягкой губой.

И тут появился доктор Строило. Он был таким же, как и в наши дни: те же глаза навывкате, те же сизые волосы. Только спина его не так заметно сутулилась. Доктор осмотрел раненого и спросил:

— Когда?
— Вчера на исходе дня.
— В бою?
— Его немцы расстреляли, — ответил парень в кепке, и вдруг в его голосе появилась твердость: — Доктор, он должен жить!

— Это что ж, приказ начальства? — насмешливо спросил доктор Строило.

— Это по справедливости.

— Ба! Если бы смерть действовала по справедливости, сколько бы хороших людей ходило по земле.

— Может быть, нужна кровь? — спросил возница.

— Кровь понадобится, — сказал доктор и пошел прочь.

Люди осторожно подхватили Зимородка и бережно понесли его по тропинке, ведущей в чашу, а парень и лошадь пошли за ними.

— Значит, он жив! — сказал Марат.

— Кто тебе сказал, что он жив? — отозвался доктор Строило. — Разве я тебе говорил, что он жив? Три тяжелых ранения. И еще нога вывихнута. Я его оперировал, а потом отправил на Большую землю в очень тяжелом состоянии... Я не говорил, что он жив, я говорил только то, что знаю.

Доктор поднялся и подошел к большому аквариуму, стоящему на окне, и стал медленно подсыпать корм. И рыбки со всех углов приплыли к плавающему кругу, в который падали крупички корма.

Ребята все сидели на диване. И молчали. Зимородок приблизился к ним и снова исчез. Он был неуловим. Он уходил из-под пуль. Он поднимался из земли. Он не давался смерти. Но он не был бессмертным.

А доктор Строило кормил рыбок. И вдруг он сказал:

— Все, что люди сделали на войне, может бытьем порастить. Все зависит от вас. Забвение — это ржавчина памяти. Она разъедает самое дорогое. Нужны новые силы, чтобы бороться с забвением. И еще я хотел вам сказать, товарищи следопыты: ищите в себе человека; если найдете в себе хорошего, справедливого человека — жить будете интересно, с пользой.

— Доктор Строило, — вдруг спросила Зоя Загородько, •опустив глаза. — Доктор Строило, кто вас обидел?

— Меня? Обидел? Ба! — Доктор выкатил глаза на смуглую девочку. — Меня никто не обидел. Жизнью я не обижен. Друзья от меня не отвернулись. Людям я еще нужен. А если встречаются на дороге камни или колдобины, так на то она и дорога. Знаете что, давайте-ка я вас угощу яичницей. Я здорово умею ее жарить.

— Спасибо, — отозвались все трое. — Мы не хотим.

— Не рассуждать! — весело прикрикнул доктор, и сразу у него в руках появилась огромная сковородка, и в глазах зажглись теплые точки. Не каждого молодого можно представить себе стариком, еще труднее увидеть в старике молодого. Но когда доктор Строило взялся за дело, неожиданные гости увидели его таким, каким он был двадцать лет назад и тридцать лет назад. Каким остался навсегда...

14

Каникулы подходили к концу. В зеленом разливе листвы уже появились первые вестники осени — желтые листья. Дни стали короче. Звезды — крупнее. Вода в реке потемнела.

А трое следопытов все искали Зимородка. Они появлялись в домах у людей, давно сменивших оружие на молотки, кисти, бухгалтерские счета или на постукивающую палочку пенсионера. Они заставляли бывших воинов вернуться в прошлое и в этом прошлом, на заросших бурьяном тропах, искать следы Зимородка.

Но эти следы не привели красных следопытов ни к живому, ни к мертвому: живой неожиданно оказывался мертвым, мертвый становился живым. И нельзя было поставить точку. Марат и его друзья спешили к Зимородку, как спешат в бою на помощь другу. Он был нужен им, а они были нужны ему. Они отвоевали его у забвения, собирали по крупичкам развеванную по свету жизнь, и гордый образ бойца в штатском пиджаке с оторванной пуговицей все отчетливей и ярче возникал перед ними. Но он был недоступен.

В резерве у ребят оставался единственный день, ко-

гда на братской могиле в деревне Жуковке соберутся бывшие партизаны.

Ребята ждали этого дня и боялись его.

Услышат ли они свист иволги?

Тетка Алевтина встретила их как старых знакомых: — Здравствуйте, странники! Может быть, молочка попьете с дороги?

Не хотелось им молока.

— Спасибо. Мы сыты, — за всех ответил Марат. — • Не приезжали партизаны?

— Приехали. С вечера человек пять. И с первым поездом трое.

— А Зимородок?

— Какой он из себя, ваш Зимородок?

Марат посмотрел на товарищей, но откуда им было знать, как выглядел молоденький партизан спустя двадцать пять лет... Они знали, как он выглядел тогда:

— В помятом пиджачке, застегнутом на две пуговицы. Нос торчит бугорком. Маленький, острый, похожий на клюв... На лице шрам. Умеет свистеть иволгой.

— Где им свистеть, — вздохнула тетка Алевтина. — Они все старые, седые.

— Может быть, и он стал старым, — сказала Зоя Загородько.

— Все стареют. Никто не остается молодым. Сколько лет-то прошло. — Тетка Алевтина снова вздохнула и покачала головой. — Вы идите к могиле. Может быть, повезет вам с вашим Зимородком... Мне с моим Ваняткой никогда уже не повезет...

Они шли по раннему лесу, и ноги их до колен были в росе. Пронзительный радостный холодок утра покалывал плечи и разливался по телу зарядом бодрости. Трое следопытов пересекали вырубки, перескакивали через ручей, ступали по мягкому мху. Они шли по земле, в глубине которой лежали осколки снарядов, пули, каски, стволы пулеметов — ржавые, увядшие плоды войны. Родная земля все видела, все знала, она хранила тяжелую правду о каждом, кто был на войне. И как у матери нет безымянных сыновей, так и земля знала имя каждого бойца, упавшего к ней на грудь.

Ребята незаметно прибавляли шаг: им не терпелось встретить человека, заполнившего до краев их жизнь. Разве не ради него они опускались в глубины прошлого, как водолазы опускаются в пучину моря?..

В лесу было тихо и безлюдно. От земли шел пар, и лес был не зеленым, а синим. Листья, трава, мох — все было синим. И фигуры бегущих ребят тоже казались синими в дымке рождающегося утра.

У партизанской могилы стояли бывшие бойцы отряда. Ребятам, выходящим из леса, они были видны со спины. Непокрытые головы — седые, стриженные и бритые и с чудом сохранившимися вихрами. Брезентовые куртки с капюшонами, откинутыми за плечи, городские пиджаки. Брюки, промокшие от росы до самых икр. Их было немного — восемь человек. Словно большой сильный отряд понес в бою новые потери и уцелело только восемь.

Ребята медленно приближались к могиле. И когда наконец поравнялись с застывшими в молчании людьми, то стали жадно разглядывать их лица — есть ли у кого-нибудь на щеке шрам.

— Вам что тут надо, молодцы? — спросил плечистый в брезентовой куртке.

Глаза у него были красные от недавно просохших слез.

— Мы ищем Зимородка, — за всех ответил Марат. Он произнес это далекое военное имя, как произносят пароль, требуя условного ответа.

— • Улетел Зимородок, — вздохнул старый боец.

— Не пришел? — спросил Марат.

— С того света не приходят, — сказал стоявший рядом худой старик с палкой.

Остальные бойцы отряда молча прислушивались к разговору.

— Он жив! — твердо сказал Марат.

— Грамотный? Читать умеешь? Тогда читай. — Плечистый в брезентовой куртке кивнул на обелиск.

— Его нет в этой могиле, — стоял на своем мальчик.

— Знаю. В этой могиле нет. Но не одна же могила на свете.

— И в другой могиле его нет, — убежденно сказала Зоя Загородько.

— Ишь, как вы легко возвращаете из мертвых, - отозвался кто-то из стоявших поодаль.

— Мы трудно возвращаем, — вставил слово Василь.

— Может быть, вы помните его имя и фамилию? — Марат пристально посмотрел в глаза старого бойца в брезентовой куртке. Тот потер лоб и сказал:

— То ли его звали Серегой, то ли фамилия его была Серегин.

И тут стоявший в стороне, с усами, которые топорщились сердитой светлой щетиной, сказал:

— Его звали Сергей Иванович Серегин.

Старые бойцы закивали головами, а ребята удивленно переглянулись.

— Так это наш учитель зоологии, — вырвалось у Зои Загородько. — Сергей Иванович Серегин.

— Может быть, однофамилец? — сказал плечистый в брезентовой куртке.

Даже боевые друзья не верили в живого Зимородка, хотя никто из них не видел его мертвым. Но Марат не сдавался. Его глаза наполнились тревожной радостью. И образ бесстрашного Зимородка стал в его сознании упрямо сливаться с чудоковатым, заросшим бородой учителем зоологии. Его искали по свету, а он был рядом. Он шел на верную смерть ради жизни людей, а ребята играли с ним в «кукушку». Может быть, Зимородок прикинулся учителем, чтобы быть неуловимым, а борода нужна ему, чтобы скрыть шрам?

— Это правда, что его звали Сергей Иванович Серегин? — переспросил Марат.

— Наш начальник штаба никогда не ошибается, — сказал старик с палкой.

Сам же начальник штаба молчал, словно уточнял в памяти события далеких лет. И все вдруг притихли, чтобы не мешать работать его памяти. И он вспомнил:

— За взрыв моста Зимородок был представлен к ордену. — Начальник штаба говорил сухо и отрывисто, словно по бумаге читал реляцию. — И был награжден... посмертно.

— А он, выходит, жив, — сказал кто-то из старых бойцов. И все маленькое оставшееся в живых войско повеселело.

Где же учитель зоологии? Бродит по лесам? Спит в шалаше? Плывет в плоскодонке гю мелким извилистым протокам? Варит на костре ушицу? И зарос бородой, как медведь? Разве его найдешь в эту пору?

Но дайте срок. Он сам придет через несколько дней. Надо только дотянуть до первого сентября. Дверь в класс распахнется.

— Здравствуйте, люди-человеки! Начнем, пожалуй!

И тогда Марат встанет и скажет:

— Здравствуйте, Зимородок. Можете просвистеть иволгой.

Он очень удивится. Уставится на Марата сквозь задымленные стекла очков. И просвистит. Не побоится ни директора, ни инспектора. Ответит на старый военный пароль. Бесстрашный Зимородок, награжденный посмертно. Но оставшийся в живых.

Но ждать до первого сентября ребятам было не под силу. Слишком долго и упорно искали они Зимородка, чтобы ждать, зная, что он рядом. Сергей Иванович жил при школе. Ребята отправились к нему.

Постучались. Дверь открыл комендант.

— Здравствуйте. Мы к Сергею Ивановичу.

— К бородатому? Его нет.

Ребята тревожно переглянулись.

— Он уехал с месяц назад.

— Как уехал? — вырвалось у Зои Загородько.

— Собрал вещи и уехал, — комендант пожал плечами. — Меня тогда не было. Приезжаю — комната пустая.

Комендант толкнул крайнюю дверь. В комнате стояли кровать, стол, две табуретки, шкаф. Никаких вещей в ней не было. Только на полке стояли книги.

— Он вернется? — спросил Марат.

— Не знаю... Он с директором что-то не ладил. Поговаривал, что на Крайнем Севере не хватает учителей. В случае чего, книги мы ему вышлем. Да вы не расстраивайтесь. Не вернется — пришлют другого. Без учителя не останетесь.

— Нам не надо другого! — крикнул Василь, и его верхняя губа недовольно поднялась домиком.

— Не кричи, — строго сказал комендант. — Я отвечаю только за порядок.

— Так нет порядка, — сказал Марат. — Какой же порядок — человек уезжает и никто не знает, вернется он или нет.

— Грамотный? А не знаешь, что такое порядок, — комендант нахмурился, и на его лбу образовались три волнистые складки. — Порядок — когда чисто, не течет крыша, работает канализация, весь инвентарь в наличии.

— А если человека нет в наличии? — не выдержала Зоя Загородько.

— Идите к директору, — сказал комендант, выпроваживая непрошенных гостей.

— Улетел Зимородок, — сказала Зоя Загородько.

Марат молчал. Он смотрел куда-то вдаль. Он был занят своими мыслями.

Утром первого сентября Марат и Зоя Загородько стояли на мосту и, упершись локтями в перила, смотрели, как от ветра морщится гладь реки. По небу плыли барашки облаков, похожие на белые купола парашютов. Их несло куда-то вдаль, и было неизвестно, в каком месте они окончат полет и бесшумно лягут на траву.

Друзья ждали Василя.

— Ты мог бы прыгнуть с парашютом? — спросила девочка Марата.

— Не знаю, — ответил он.

— Смог бы, я знаю. И с тобой вместе я тоже бы смогла.

— Выдумываешь, — усмехнулся Марат.

— Нет, ишу человека. В себе и в тебе тоже.

— Зачем же во мне?

Зоя Загородько помедлила с ответом, потом сказала:

— Ив Василе.

— Если вернется Зимородок, — сказал Марат, — мы будем здорово жить. Но он может не вернуться.

Марат смотрел в воду, а Зоя Загородько со стороны посматривала на него и видела в друге какого-то нового человека, похожего на учителя зоологии.

В это время на мосту появился Василь.

Прозвенел звонок, а ребята галдели, спорили, стучали крышками парт.

Только трое друзей сидели на своих местах и не отрывали глаз от двери. Никто из ребят не был посвящен в их тайну. Никто не мог догадаться, что сейчас происходит у них в душе.

Прозвенел второй звонок. Класс стал затихать. Ребята расселись по местам. А дверь все не открывалась. Не появлялся человек с массивной головой, в задымленных очках, с буйной растительностью на лице, которая прикрывала след вражеского штыка.

Не прилетал Зимородок.

— Он не придет, — тихо сказал Марат своим друзьям. Встал. Хлопнул крышкой парты и подошел к доске.

Ребята с веселым любопытством уставились на Марата.

— Расскажи про глухую кукушку! — крикнул кто-то с задней парты.

Марат поморщился, но ничего не ответил. Потом он сказал:

— Ребята. Сергей Иванович уехал. Теперь я хочу вам рассказать о нем.

Класс весело загудел. Кто-то тоненьким голоском крикнул:

— Ку-ку!

— Я хочу рассказать вам о бесстрашном герое, которого в партизанском отряде называли Зимородком. Зимородок и Сергей Иванович — одно лицо.

Умолкли голоса. Перестали скрипеть парты. В классе установилась тишина. Все смотрели на Марата.

— Когда нужно было взорвать мост, он полетел в тыл врага. А сам до этого никогда не прыгал с парашютом. Даже не знал, за что надо дергать...

Марат рассказывал и не заметил, как дверь бесшумно отворилась и на пороге появился Сергей Иванович, обожженный солнцем, всклооченный, в брезентовом плаще с капюшоном, с рюкзаком за спиной. Он стоял в дверях и сжимал в руке серенькую кепку. И никто не заметил, что он пришел. Все слушали Марата.

— Сергей Иванович добровольно пошел на расстрел, чтобы спасти людей. И его расстреляли.

В классе послышался приглушенный гул.

— Но он остался жив.

Класс облегченно вздохнул.

— И он умел свистеть иволгой.

И в это мгновение послышался тонкий переливчатый свист. Ребята повернулись и увидели Зимородка. И класс тихо встал.

— Здравствуйте, люди-человеки, — сказал учитель глуховатым голосом, и закрыл за собой дверь. — Я немного опоздал и не успел умыться с дороги... Что же вы молчите?

Учитель огляделся и почувствовал ту знакомую неловкость, которая охватила его много лет назад, в партизанской школе. И он снова засвистел иволгой.

Директор школы, проходя по коридору, услышал свист. Он остановился и недовольно потер лоб.

— Этого еще не хватало! Он свистит на уроке.

Но свист тут же оборвался. И директор, вздохнув, зашагал дальше.

Неподалеку от Нового моста по реке плыло странное суденышко, сбитое из неровных бревен. На нем были мачта и парус. Парус был не клиновидным, а круглым. Видно, его потрепала буря, потому что на полотнище выделялись цветные заплаты. Ветер наполнял его упругой силой, и он, выгнувшись куполом, увлекал за собой суденышко и его команду. Они плыли по синей тяжелой воде.

Так маленькие мальчишки со станции Река нашли применение старому военному парашюту, и он зажил новой жизнью. Мальчишки не знали, чей это парашют и как он очутился в лесу. Они были еще малы и не задумывались над случайными находками.

Но придет час, и они услышат о Зимородке.

*Яковлев
Юрий Яковлевич*

ЗИМОРОДОК

Для младшего
школьного возраста

Редактор
Л. Конёва
Художник
Б. Лупачев
Художественный редактор
В. Еврасов
Технический редактор
М. Сафонова
Корректор
Л. Зеленская

Сдано в набор 17. II. 1975 г. Подписано к
печати 9. IV. 1975 г. Формат 84XЮ8/32.
Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд.
л. 3,35. Тираж 10000 экз. Заказ № 780.
Цена 11 коп.

Алтайское книжное издательство Государ-
ственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли — Барнаул, Лени-
на, 76. Производственное объединение
«Полиграфист» управления издательств,
полиграфии и книжной торговли крайис-
полкома — Барнаул, Л. Толстого, 29.